ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

№ 13 (182) 17 МАРТА 1932 г. Цена 10 к.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

I страница
ПЕРЕДОВАЯ: Письма советских писателей зарубежным друзьям.—Воззвание МОРП.
II страница
Заметки о «Трех рассказах» Вс. Иванова.—Статья С. Нешпоренского
25-летие литературной деятельности Э. Мадараса.
Улица Турнон, 13. – Отрывок из романа П. Павленко.
III страница
Письмо «Непостовской смены» о «Ведущей оси» В. Ильенкова.
Пьеса Н. Зархи в театре революции.—Статья Ю. Юзовского.
IV страница
Дискуссия о «Войне» Н. Тихонова.
Привет ВОАПП и РАПП «Наступлению»

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Н. Асеева, А. Грудской, З. Динатова, В. Залесского, В. Колесниковой, А. Малышкина, Н. Огнева, М. Рославского, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Слонимского, М. Субоцкого, С. Тарасевича и Г. Тартана.

Зарубежные друзья, стойте на страже мира в общих рядах с писателями СССР!

Мы начинаем сегодня публикование писем советских писателей к зарубежным друзьям СССР и всей западной интеллигенции, посвященных угрозе войны.

Советские писатели энергично откликнулись на проводимую МОРП кампанию в защиту Китая и СССР и против империалистической войны. В дни, когда наша страна успешно борется за полное выполнение плана первой пятилетки и подготавливает свою вторую пятилетку, в дни, когда, пишет «Рote fane» 14 марта в связи с японской интервенцией в Китае «под непосредственной угрозой находятся границы СССР»,—в эти дни в рядах всей Федерации об'единений советских писателей растет боевая готовность, политическая активность, сплоченность вокруг лозунга войны: «Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому». Об этом говорят публикуемые ниже письма и отклики советских писателей.

Но их значение не ограничивается этим. Они обращены за рубеж — и нашим друзьям. Уже прозвучал мужественный голос Ромэна Роллана в защиту СССР: «Держите убийц!». Он не останется одиноким. События на Дальнем Востоке, авантюристская вылазка в лагере империалистов и пламенный призыв советских писателей пробудят мощные голоса других братьев «Запада» к войну» и активной борьбы за СССР.

У нас много врагов, но еще больше друзей. С нами — революционный международный пролетариат. С нами — значительные отряды левой интеллигенции в капиталистических странах. К ним обращаются советские писатели.

Миллионы трудящихся всего мира услышат и их голос протеста против убийц, готовящих новую чудовищную братоубийственную бойню.

ВЕРА ИНБЕР

Мы — страна мира

На писательском митинге протеста против избиения шестью японскими империалистами комсомольцев, членов американской компартии, Вашингтон, также негр, сказал: «На СССР обращены глаза пролетариев всего мира. Там их помощь и надежда». И эти слова, произнесенные не нашим языком, человеком не нашего подданства и даже не нашего цвета кожи, по нашим убеждениям, товарища нашего и борца в одних с нами рядах, еще раз особенно ярко показали нам, что пролетариат во всем мире один и что цель у него одна: освобождение трудящихся.

СССР — это «позвонь и надежды» пролетариев всего мира, это страна-вождь. И капиталисты знают это так же хорошо, как и сами трудящиеся.

Все последние годы «великие» и не великие державы готовятся к войне, готовятся тихо и тайно. Многое было и есть скрыто. Лишь изредка буржуазные газеты глухо, как со дна моря, выносят на поверхность отрывистые сведения о новых танках, о бактериях, о снаряде, летящем 1.500 километров, о десятках новых способах уничтожения. И все это направлено против одной единственной страны, строящейся социализма. Против нас.

В Хонхо на потребительских кострах, уложенные в двадцать рядов и покрытые пропитанной керосином мешковиной, горят китайские трупы. Целые границы превращены в могилы. Это работа японского империализма, это война против китайского пролетариата.

В Детройте, в городе Форда, толпы американских безработных были встречены полицейской пулями. Это работа американской демократии.

Провокационный выстрел, раздавшийся в центре Москвы и ранивший советника германского посольства, — это военный выстрел. И фронт проходит в Латвийский переулок. Неудержимо, неуклонно, всеми способами нас втягивают в войну.

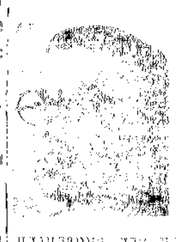
Мы, советские писатели, активные члены ЛОКАФ, вооружены пером и карандашом. Но это оружие в наших руках должно быть дальнобойнее и действеннее снаряда, летящего 1.500 километров. Только напряженность у него другая.

Для слов в защиту пролетарской страны не существует расстояний. Мы говорим в Москве, но нас слышит весь мир.

Писатели Запада, лучшие представители западной интеллигенции, друзья СССР, мы должны услышать ваш голос и вашу защиту. Вы должны вместе с нами сказать свое слово в защиту СССР и драться в наших рядах за социалистическое отечество трудящихся всего мира.

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

Что будем делать мы



Опубликованные газетой китайские документы японского империалистического корыта заметать весь советский. Дальний Восток до Байкала не оставляет никакого сомнения в том что операция Японии в Китае во многом является подготовкой плацдарма для нападения на СССР, как это было в Корее были планомерно для атаки Манчжурии.

На деле в настоящий исторический момент, когда Япония, предчувствуя дрожащим нервом, какой ущерб себе в недалеком время Японии, пробежала дрожащая мозга:

«Японии будет трудно, — пишет некая авторитетная милитаристическая газета, — Японии будет трудно нанести Советскому союзу смертельный удар» («Известия» от 6 марта).

В корейке, отсюда, еще не ушли последние остатки благоразумия. Угнетаемый сомнениями относительно «смертельного удара» хорек под официально-воинственной формулировкой скрывает опасения смертельного контрудара.

Действительно, положение очень рискованное.

Уже если 19-я китайская армия, пропитанная своим же правительством, сумела блокированно разбить розовые мечты японского империализма о триумфальном шествии по Китаю, то сколько таких армий, абсолютно враждебных своему народу презираемому армиям правительству, встретит японский офицер на рубежах Советского союза!

Даже предварительный эскиз «Большой войны», тот черновой набросок ее, который мы имеем сейчас на Дальнем востоке, с ошеломительностью опровергает теории Фуллера, Сикта и др. империалистических генералов, переоценивающих значение техники и недооценивающих активной роли армии и ее устремлений и настроений.

Красная армия СССР, защищая каждый вершок своей земли, будет защищать тем самым кровные интересы трудящихся всего мира.

Национальная ярость китайского солдата — сичжа. Но неизмеримо мощнее высокосознательный интернациональный энтузиазм советского бойца — русского, украинца, белоруса, грузина, татарина, узбека.

Мы, революционные писатели, баллотисты, драматурги, очеркисты, фольклористы всего мира, взорвем все порохового погреба своих творений, чтобы оно жарко резонировало этот энтузиазм, чтобы по последнего конца отточить нашу замечательную героическую республику, единственно справедливо всей истории человечества.

Л. СЕЙФУЛЛИНА

Мы ждем голоса поддержки

Могилы миллионов империалистической бойни еще не заброшены. Надобиться, разжиревшие люди, ненавидеть, как таких преступников правительств всех наций, еще живы. И опять война. Подвергся нападению китайский народ. Непосредственная угроза нависла и над СССР. Замолю миллионы трудящихся отгибаются в тягло, чтобы итти на убой по расчету банкиров.

Во Франции, в стране многовековой культуры, правительство содействует новому изничтожению всего, что величайшим напряжением национальностей, составляющих СССР, восстановлено, приобретено заново в технике и культуре нашей страны. Это величайший позор Франции, родины мировых мыслителей и художников. И стратно литературное молчание многих представителей культурной жизни сегодняшней Франции. Голос Ромэна Роллана не должен быть одиноким. И не только во Франции — во всех странах мира голос творцов духовных ценностей нашим должен быть услышан нами. Мы его ждем. СССР, как отечество трудящихся всего мира, в самозащите найдет поддержку в пролетариате каждой страны, капиталисты которой направят на нас смертоносные орудия.

В каждой воинской части во время нем стане у нас найдутся не только враги, но и защитники. Мы это знаем твердо. И тогда позорными станут имена представителей культуры, не возвысившие голоса против угрозы нападения на СССР в идущих нас изничтожить странах.

Н. ОГНЕВ

Мы и они

Оно бесстыдно, оно выдохлось, оно усохло, как пустой бурдюк урюпинское извилистическими побрякушками международное право.

Право силы, право зверя, право ножа — вот истинный закон поступков капиталистов.

Диалектика истории приучила их к этому закону с неумолимой логикой, вооруженные до зубов, они вышли на большую дорогу — убивать и грабить безоружных!

Мы-то знаем, чем все это кончится: мы не слепы, так как владеем научной диалектической мыслью.

Мы знаем, что они перегрызутся из-за добычи и в последней схватке доразят друг друга насмерть.

Мы знаем, что целые полки солдат, переодетых офицеров, с музыкой будут посланы на убой сторону!

Мы знаем, что кровавая каша, заваренная империалистами, разольется на их самих и поглотит их без остатка!

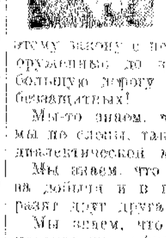
Но, зная это, мы готовы к обороне нашей страны, нашей социалистической крепости, мы бдительны и зорки, мы каждую минуту ждем нападения. Но мы знаем также, что не только пролетариат всего мира, но и все честные, все разумно мыслящие интеллигенты на обоих полушариях — с нами. Отказаться с нами не значит молчать и выжидать событий.

Быть с нами — это значит организованно противодействовать войне. Строить советы действия. Препятствовать транспортам оружия. Быть с нами — это значит на деле, а не на словах защищать Советский союз.

Потому, что только во время путь выход из всех тупиков, созданных капитализм в дикой предсмертной агонии.

ВЛ. ЛИДИН

Почему я пойду защищать СССР



— Я пойду защищать СССР не только потому, что я, гражданин СССР, не только потому, что не призывать я должен стать вновь в ряды Красной армии.

Я пойду защищать СССР потому, что нападение на наш Союз будет нападением на мировую родину трудящегося человечества, ибо то, что построено нами за эти великие годы, станет основой для будущих новостройки всего мира.

Только бесплотный гуманизм может рождать отвлеченные представления о действительном положении вещей и неопределенные размышления о зле и добре в этом мире. Ту часть передовой интеллигенции Запада, которая сегодня же вместе с нами не скажет: «На защиту трудящихся! На борьбу с военной опасностью! На борьбу с войной, которая уже происходит на Дальнем востоке!» — эту интеллигенцию логика истории скоро оставит в невиданном позорном провале.

В БОЙ ПРОТИВ УГРОЗЫ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

КО ВСЕМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПИСАТЕЛЯМ МИРА

В Китае бушует война.

Целые города сравнены с землей, жизнь десятков тысяч женщин и детей, десятков тысяч солдат принесена в жертву империализму. На Дальнем Востоке огонь войны уже бушует и грозит захватить весь мир. Лживость мирополюбия империалистических держав разоблачена до конца. Бесчисленные мирные конгрессы и конференция по разоружению безукоризненно подготовили новую мировую бойню.

Неоспоримой истиной стало то, что социал-демократия всего мира, под маской пацифизма, не покладая рук работает на новую войну, что все благие намерения даже искренно заблуждающихся пацифистов оказались бессильными остановить эти кровавые события. Цепь наглых провокаций доказывает, что война в Китае лишь пролог к небывалой, ужасающей и гнуснейшей войне, какую когда-либо знала история, — к войне против Союза Советских Социалистических Республик.

Кризис в капиталистических странах и наряду с этим невиданные успехи социалистического строительства, гигантскими шагами приближающие создание социалистического общества,— вот что толкает империалистов на их кровавые полвиги.

Не первый уже год сигнализируем мы опасность этой войны, не раз уже звали мы вас не только протестовать против подготовки новых войн, но и быть готовыми активно воспрепятствовать готовящейся войне. Мы указывали на то, что во всем мире социал-демократы вдвойне обрабатывают сознание масс в духе этой войны, мы неоднократно говорили, что всякий, кто сомневается в подготовке новых войн, кто пытается помешать нашей борьбе против военной опасности,—сам, сознательно или несознательно, является подстрекателем войны и пособником империалистов.

И вот настал час, когда начинают осуществляться чаяния империалистов и военных промышленников всех стран, их генералов и социал-демократов.

В этот грозный, ответственный час мы зовем вас к действию. Вам дано—всеми вам доступными средствами мобилизовать массы рабочих и трудовой интеллигенции, чтобы воспрепятствовать уже задуманным и уже начатым войнам. Если вы не хотите быть запачканными соучастием, разоблачайте поджигателей войны — фашистов и социал-фашистов, разоблачайте слепое бессилие и сознательное лицемерие пацифистов всех мастей. Нельзя терять ни минуты! Война стала фактом, война уже идет, и если вы немедленно с величайшей энергией не возьметесь за работу, если мы не сумеем мобилизовать широкие трудящиеся массы против войны, — полсотня земного шара превратится в ближайшее время в театр военных действий.

Пролетариат и трудовая интеллигенция всех стран должны, не теряя ни секунды, взяться за дело! Мы зовем вас на борьбу и убеждены, что родина всех трудящихся может рассчитывать на вас.

В бой, товарищи!

В бой против угрозы мировой империалистической войны, против всех поджигателей войны!

Против вероломных японских империалистов!

На защиту Китая, за отозвание из Китая империалистической военщины!

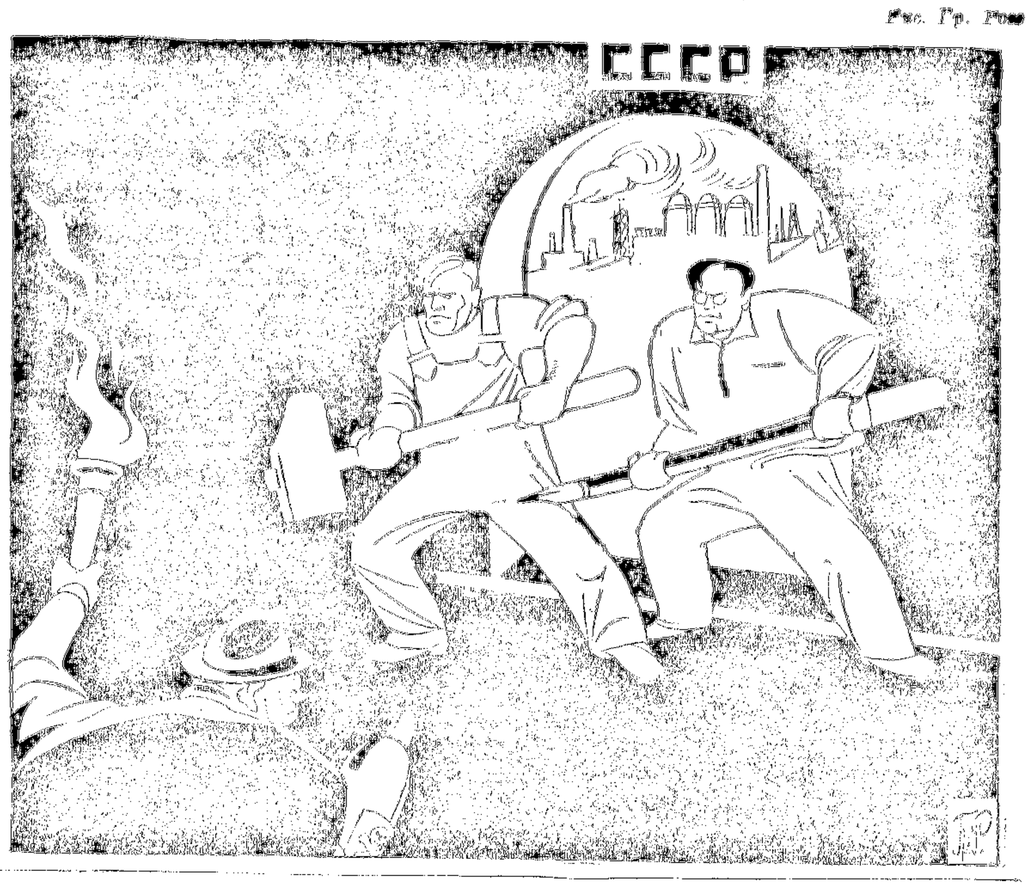
На защиту СССР, родины всех трудящихся, первого социалистического государства!

В бой за освобождение всех угнетенных и эксплоатируемых!

В бой за мировую революцию!

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Рис. Гр. Рош



П. ЛЕОНОВ

Если вы молчите, то кто вы?

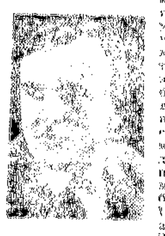
Снова, в поисках выхода из горящего дома, империализм решается на войну. В сущности она уже началась с фиолетового по откровенности грабежа Китая. Мы слышим ее все приближающееся эхо. Страна, которая стоит накануне создания бесклассового общества, — ее ближайшая мишень. Мы готовы, ибо знаем, что эта война станет самоубийственной для капитализма.

Но СССР не только первое пролетарское государство. СССР — реальный символ той истинной человечности, к которой каждый из вас стремился. Молчать нельзя, и в эту решительную минуту мы только призываем вас вспомнить, что купили вы на кровь, пролитую в последней войне?

... и если вы молчите, то кто вы?

КОРНЕЛИЙ ЗЕЛИНСКИЙ

Маскировка и ложь — их главное оружие



Старания, направленные в Чанхай, падают и на грудь каждого из нас. Я не могу никуда укрыться от мысли, что тысячи людей — мужчин, женщин, детей — сейчас, вот в этот момент, отданы безнаказанно во власть японских пушек. Разве можно звать «добрососедскими» с этой мыслью? Маскировка и ложь — вот теперь главное оружие капитализма. Не истребление ребра, а стихия сама. Не объявление войны, а кипячение и войну. Журнальные дипломатических фонтанчиков в цивилизованных странах — самый смертоносный, самый подлый, самый опасный из ядов, вырабатываемый в кремлях империализма. Мы должны сказать открыто: мировой империализм с Востока затевает новую мировую войну, в надежде залить миллионы безработных, в надежде свернуть кризис и, наконец, в надежде сломать единственную страну в мире, где бурно растет революционная ситуация человеческого общежития — социализм.

В молчание, бездействие в такой обстановке — преступление.

С огромным подъемом пролетариат и трудящиеся массы СССР заканчивают строительство фундамента нового общества. На громадные пространства нашей страны смелой рукой уже нанесены контуры второй пятилетки, контуры бесклассового общества, мечтаний лучших людей человечества от Кампанеллы и Мора. Но победа социализма — это значит конец капитализма. Его конец мерзостный и исторический. Вот почему империализм зажигает чадную серу войны. Но мы уже вступившие в новый мир, знаем, это он такое. Его мы не отдадим никому. Мы будем драться, мы будем сражаться зубами — только кровь нас — за каждый кусочек земли страны социализма! что у всех у них раны были в лоб, в бровь обожженных порохозыми дымом, как бы от выстрела в упор. Кого могли подпустить к себе так близко стоящие на часах? Неужели партизан, снайперов? И зачем было тем подходить так близко, если они хотели показать дробинкой в величий глаз?

Тогда эти вопросы так и остались вопросами. На них не только не стали бы отвечать, но их некому было и задавать без риска быть уволенными в штаб великой державы.

Теперь представим себе эту ночь, этот год, эту местность. Фигуры часовых на линии, дороги. Тишина, шум шагов, окрик часового, отзыв: «свой». Кто подойдет в упор лечью к часовому? Только свой, свой офицер, которого надо слушаться. Свет электрического фонарика слепит глаза. Вопрос, может быть: «Все ли благополучно?»— и неожиданный выстрел в лоб, в упор, так что опаленные курчавятся брови.

Тогда я думал, что это национальная черта бездушья, наглости, холодного расчета: только бы создать инцидент. Теперь я знаю, это классовая особенность бездушья, наглости, холодного расчета—все равно, где бы они ни обнаружились, теплой ночью в Приморье, белым ли днем в Женеве.

В. КАТАЕВ

Еще не поздно

Наше отношение к войне общеизвестно. Мы категорически против грабительской войны. Мы делаем все возможное для того, чтобы предотвратить такую войну.

Идея полного безоговорочного немедленного разоружения всех без исключения государств мира — наша идея. Мы дрались за нее на всех и всяческих мирных конференциях, конгрессах, по комитетам, всюду. Этого не посмеет отрицать никто.

Мы были всегда с первых часов существования советской власти против войны не только на словах, но и на деле. Первое слово, которое произнесла возрожденная советская республика, было: мир.

Под знаком борьбы за мир протекли годы нашего детства, отрочества и юности. Под знаком борьбы за мир наша республика вступила в новую зрелость, в полосу построения бесклассового общества.

Грабительская война противна нашей природе, нашей социальной структуре, нашей философии и этике. Мы всегда были против войны. Мы сейчас против войны. Мы всегда будем против войны.

Мы делали все возможное, чтобы предотвратить войну.

И тем не менее война началась. К сожалению, это неопровержимый факт.

Грубо, нагично, без формального объявления чтоб не унизить общественное мнение Япония начала ночные действия против нашего, остального, темного и ограбленного империалистами Китая.

Мы были свидетелями героической защиты Шанхая и его героического падения под ударами японской армии, вооруженной до зубов, по самому последнему слову техники. Мы читали скупые и тенденциозно информацию буржуазных телеграфных агентств и буржуазных злобственных корреспондентов об уничтожении детских тысяч мирных жителей — женщин, детей и стариков, о превращении китайских городов в гей в груды развалин.

Информация была скупа и туманна. Она всячески старалась смазать и скрыть от человечества истинную картину и подлинные размеры шанхайской бойни. Но мы, граждане Советского союза, умеем читать между строк. Мы очень хорошо знаем, что такое интервенция. У нас еще слишком свежа в памяти 18-й и 20-й годы, когда империалистические армии четырнадцати империалистических держав громили наши порты, пытаясь задушить молодую социалистическую республику.

В свое время мы дорого заплатили за эти уроки чтения между строк. Они нас научили даже самое туманное отточенное слово буржуазной информации превращать в потрясающую по ужасу, до галлюцинации реальную картину бойни.

Я начал имел удовольствие перевести в Одессе все десять интервенции. Мне хотелось видеть разгром свист тысячного судового гарнизона, летящего над очищенными городами. Я на всю жизнь запомнил, как выглядят трупы рабочих, расстрелянных на площадях и железнодорожных платформах. И знаю, что такое кварталами лежащие, почерневшие от зноя, почечная, контрреволюционная, зверская и бестиную.

Нет, все эти уроки не прошли для нас даром! Мы многому научились, но многого не забыли.

Опыт японских империалистов вырос до чудовищных размеров. Японские регулярные части приблизились к нашим границам. Японцы создали так называемое «независимое» марионеточное государство.

Но мы научились читать между строк. Мы отлично понимаем, что это значит.

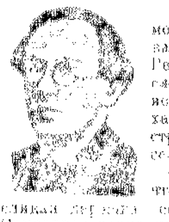
Это значит, что в самой непосредственной близости наших границ создается многомиллионный плацдарм, где концентрируются антисоветские вооруженные силы.

Не только внешние силы.

Русские белогвардейские монархические эмиссии, финляндские многочисленные интернационалные батальоны — все, что есть наиболее черносотенного и реакционного в мире, все собирается на специальную территорию оккупированного японского государства» с тем, чтобы по первому зову

Л. НИКУЛИН

Нужно действовать немедленно



Английско-военный морской журнал «Нэвал энд Милитари Рекорд» напечатал следующее, почти исчерпывающее шанхайскую трагедию строки Герберта Рассела:

«Теперь мы знаем, что может сделать со слабой нацией «Самоопределение народов стало, пожалуй, фразой, которой всякое значение».

Да, теперь мы знаем, что может сделать так называемая великая держава. Она может планомерно и методически истребить население, разрушать города, сжигать библиотеки и университеты, убивать старцев, женщин и детей. И эта страна может быть уверена, что ее никто не вызовет ответа реальных протестов пацифистов по поводу этих фактов по должности. Никаких протестов, кроме схоластических прений по международному праву в Лиге наций.

До 1932 г. в Европе еще вообще различности пацифистов, распевавших следующие колыбельные: «Кто станет воевать в наши дни? Память о 1914—18 гг. еще так свежа. Пока не сойдет со сцены поколение, участвовавшее в мировой войне, никто не станет воевать». На шанхайском и мукденском примере все убедились в том, на что способны империалистические великие державы.

Все истинные борцы за мир, все те, в которых живы идеи действительной, реальной борьбы за мир, за всеобщее разоружение, — должны в настоящей грозной ситуации найти облегчительные выжигательно народы своего протеста против войны, должны показать народам лицо империалистов-поджигателей новой мировой войны. Нужно действовать немедленно сейчас, пока голос пушек против угроз войны еще не заглушен громом взрывов пока бурная за мир не взяла его бронированный кулак военной силы.

И. АСЕЕВ

Эпизод

Годы интервенции. Серые крейсера на рейде Золотого Рога — владивостокской гавани. У штаба великой державы маленькие фигурки красноперых, красноглазых солдат, одетых в гетры. Они расхаживают не по улицам притихшего города — только по мостам, ведущим на материк, прожектора авангардов Республики великой державы держат себя злобно-внимательно. Обычно одетые в пижаки и пальто, они от присутствия в городе многочисленных военных своей армии выкашивают сугубый патриотизм, выделяются в национальные костюмы, подчеркивающие подошвы и пятки произведших к ноге своих солдат-туфель, размахивающий руками, открывающий тяжелый подбородок. Вся эта пестрая толпа одержимых, — это «они» войска в городе, в дающие прибежкой в белучий глаз. И это — значит, и этот город, и этот край принадлежит им — международным аферистам, торговцам, колонизаторам.

Цвет солдат румяны и пухлы, это не больничная часть все молодежь. Они вылиты в безмерную страну. Они по-разному — и, наверное, так и есть — на все земных нациях, отличавшихся от своей, от цвета, от человеческого круглообразования своих сельских дней. Они стоят на часах исправно и немножко важничают. Так стояли, наверное, русские солдаты и Турции во время войны из-за Кавказа.

В городе тоскливая муть, придавленность, предательство. Какая-то мышиная возня соглядатаев, перетворов, сговаривающей между местными авантюристами и представителями великой державы. Выкристаллизовываются местные патриоты, которые были бы согласны предоставить себя интересы интервентов, собирая видимость «местной власти». Одним словом, кишели кто-то, кроме хозяйского Пуанде для Манчжурии. В городе стоячий скук прилипает и проникает в самые глухие углы, где живет человек.

За городом — сопки, глушь тайг, в ноге своих солдат-туфель, размахивающий руками, открывающий тяжелый подбородок. Вся эта пестрая толпа одержимых, — это «они» войска в городе, в дающие прибежкой в белучий глаз. И это — значит, и этот город, и этот край принадлежит им — международным аферистам, торговцам, колонизаторам.

Цвет солдат румяны и пухлы, это не больничная часть все молодежь. Они вылиты в безмерную страну. Они по-разному — и, наверное, так и есть — на все земных нациях, отличавшихся от своей, от цвета, от человеческого круглообразования своих сельских дней. Они стоят на часах исправно и немножко важничают. Так стояли, наверное, русские солдаты и Турции во время войны из-за Кавказа.

В городе тоскливая муть, придавленность, предательство. Какая-то мышиная возня соглядатаев, перетворов, сговаривающей между местными авантюристами и представителями великой державы. Выкристаллизовываются местные патриоты, которые были бы согласны предоставить себя интересы интервентов, собирая видимость «местной власти». Одним словом, кишели кто-то, кроме хозяйского Пуанде для Манчжурии. В городе стоячий скук прилипает и проникает в самые глухие углы, где живет человек.

За городом — сопки, глушь тайг, в ноге своих солдат-туфель, размахивающий руками, открывающий тяжелый подбородок. Вся эта пестрая толпа одержимых, — это «они» войска в городе, в дающие прибежкой в белучий глаз. И это — значит, и этот город, и этот край

ЗАМЕТКИ О „ТРЕХ РАССКАЗАХ"

ВС. ИВАНОВА

В последней, двадцатой книжке «Красной Нови» за 1931 г. помещены три рассказа Всеволода Иванова. Эти рассказы свидетельствуют о большой работе, проделанной автором над самим собой и уясняющей первой победой. Иванов перестраивает в них многие из своих прежних позиций. В малую форму, внешне очень сжатую (три рассказа занимают в общей сложности 12 страниц), он вложил содержание большой эмоциональной силы и чрезвычайно значительной общественно-политической и философской насыщенности.

Рассказы называются: «Хранитель могилы Тимура», «Четырехглазый» и «Логик».

Первые два — «Хранитель могилы Тимура» и «Четырехглазый» — тематически связаны со Средней Азией. Как известно, Средняя Азия неизменно у Вс. Иванова — его последняя вещь — «Повести бригадира Синицына» и «Компромисс Наиб-хана». Эти произведения написаны были в плане гротеска, переходящем в план сатирический. В них — не мало злых и язвительных стрел по адресу нашей действительности, но в сущности они служили большому внутреннему смятению автора, его неуверенности и колебаниям.

В «Повестях» Иванов укрывался за гротеск, за сатиру, чтобы отнять ответ о смысле своего творчества, о его цели, ответ, к которому он не был тогда готов. Из тех же записных книжек, воспоминаний и наблюдений, по материалам которых он писал «Повести» и «Компромисс», Вс. Иванов взялся материал и для новых двух рассказов, но достигнут материал уже совершенно иначе, в разительном контрасте с тем, что мы имеем в «Повестях» и «Компромиссе».

В «Повестях бригадира Синицына», например, есть рассказ о рабкоре Байрам-Али, хорошем общественнике и работнике. Но Байрам-Али заболел «дивной страстью», и она вырвала его из рядов строителей. Мировоззренческая сущность такой темы не вызывает никаких сомнений.

В новом рассказе («Четырехглазый») тот же мотив осмыслен по-новому. Семен Кузьмин женится на Айгуле, на невесте своего друга и товарища узбека Мурата, на которой последний «не успел» до призыва товарища жениться. Совместная работа по ирригации крепко связала двух парней вдали гор над лиственным чувством, не правда ли сперва. Мурат о своем товарище говорит автору восторженно: «Ох, какой это человек. Какой это дальновидный делатель, вы присмотритесь к нему. Ягдаш, а вы сами увидите, как обман?».

Всеволод Иванов любовно вглядывается в узбекскую им по-новому действительность. Вот «хранитель могилы Тимура», старый мулла. Теперь он уже — «бывший», ибо могилы нет. Николай II вывез ее в Париж в обмен на сокровища. Остались одни открытки, которыми торгует этот хранитель. У него было три жены. Все они от него ушли. Одна проходит мимо него — в европейском платье, с портфелем. Теперь она — механик в кинематографе. Все другие — работницы на шелкомотальной фабрике, и ни одна из них не хочет взять себе в мужья. Когда он упрекал одну из них в том, что она не следует, и каждый раз, как появлялся в печати статья о Горации, Энеиде или Сафо, шел на-пом в автору, подолгу с ним знакомился и промолвно отчитывал за нерадение, повлость или спекулятивность взглядов.

У Тибо был сын. Лежал сутками под стеной, потом клянчил монетой, потом что-то среднее между клубком детских и эпилептических злом тельца. Он не собрал книг, не вызвал себя на критикой и так как он еще был в тому же сыном хозяина, то каждый раз отсюда увеличению входил его в прекрасные тайны своего ремесла. Римских и греческих классиков он узнал от отца. Это были его первые сказки, в которых невольным потом сказать, были ли они прочитаны, усвоенными или выдуманы самим.

В двадцать лет молодой Тибо знал все, что было в книгах всей цивилизации. Было непонятно, что он займется. Дюма не удивлялся, когда он глубоко заинтересовался искусством. Его познакомили с десятком молодых живописцев, чтобы он мог потренироваться с ними.

Тибо предстояло спешить или разрушить несколько репутаций, и каким образом он прочтет это, никого не интересовало. Возможно, что молодому Тибо еще хотелось заняться историей. Утром, отправляясь в очередь за ветчиной или салом в омнибус, чтобы поехать по объявлению о продаже книг, он стал брать с собой томик Плутарха. Иногда он перелистывал записки Цезаря или Аксиомы, покрытые пыло Титом Ливием. Мимо уже давно обращался к тому как к реперу собственной памяти. Действительно, он был слабость и воина, и в гимне со было просторно.

То же стал делать отец. Марат вернулся ему молчи изумления. Бонно обращены на него малочитересных утешных, и в конце концов на молчун хозяине любил прием почетных гостей за нерегочкой. События з отношении ко мне не могли интересовать в газете никого, кроме Тибо-сына. Здесь рассказывалось о событиях, еще не попавших ни в какие примечания, упоминалось о людях, не состоящих ни в словаре Великой революции, ни в дипломатических альманахах, и очень часто здесь проговаривались вслух мысли, еще не втиснутые ни в одну книгу.

Газетная газетой, как большим ежедневным языком, развитого входил в дарю Этьет Дола.

— А бога каждут!—крутая он, хрустя ее языком. — Вот во каждут!

—ю, распрямляя газету, перечитывая клух сводки с фронта, декреты и сообщения об арестах.

— Фраза на Карделяя, — тихо, чтобы не расслышала за переборкой, произносил я лавке Марат с презрительной иронией.

— Проду комиссия, это формула обтекаемой войны у африканского племени... Боги возлюбили.

Маша, как самый старший, тогда впервые высказывал спокойствие.

— И не из Харсейля, и не формула. Это сказано о нашей политике там, в Алжире.

Фалбер вбегал, как пересытая в электрический костюм водима. Его бархатная куртка была вся в меду, огненно-рыжий жилет цвета голенного заката отбрасывал отражения, белая манжета на руке не позволяла вытянуть ему в лицо. Так редко был он опят, так много было на ней солнца.

— Меня можно убить легко, — говорил он, — взять гасово протрезит «Одесса»—и я мертв. Сегодня уже морковный кофе, понимаете? Гроши всегда жить. Но-ка-да-на не будет. Я это не хочу жить. Нассета.

Или чаще. вежливо сторонясь от каждого встречного, молодой человек не лучших лет, с седыми у висков но румяной. Было и честно, что он переписывается с Гюи и что он многое может.

— Вам упавшим мир в силах еще поспеть за многое, — говорил ему кто-нибудь. — Дайте действительно напишем ему сообща.

— Да, кстати, ни знаете, кому хорошо живется во Франции?

— Нет. Кому?

— Мосье Гюи в Брюсселе.

— Это хорошо. Вам старик мил-тель он был отчаянный, но несмущенный

Смерть Делеклюза

Христо Смирненский

Только вперед, пламенея
Ярче без числа
Не минуту — в нет уж успеха
И уцелевшего войны
Пролетарская мысль
Восставшими устами прочла.

Старый подвиг, в сердце
Горит алым,
И, стуча, ритмичный, весенний,
Дедлый метер вновь учит,
Тревожно-щитых,
Расшатается остальной сталь.

Вперед, мы рождены,
Думная мать,
Перебить защитников трубы,
И звучали пламенем
Смотрит зовет,
Как огромные тучи, — гулы.

И подавленный гнев,
Но гордый, идет
Делеклюз — и пробольной грудью
В беспредельной душе
Голосит и гудет,
Зимняя, греющая бог.

Так, вынутая, спешащая смерть,
Так труба
Притаилась, так яростью вихрится,
Погибая, от посмотрит
Ни смеля в глаза,
Грудь подставит
Свинцовым под пули.

Среди незабитых товарищей,
К серпом чалу,
В окружении смелого строя
Он один, но мать рад,
У врагов на виду
Выпрямляется ряд баррикад.

В серебристых кудрях,
В обличьи простом
Он стоит на старинном форте
Озирая бульвар,
Где бушует годы
Перетерпев, — как стихи, стоит.

И мужик, крестьянин,
И синий матрос,
Дедушка мастер
Все они, как один,
Не в далеком, они все, сознают,
Все еще являются медный прибой
Героической нашей эпохи.

С бессмертного неба,
Я. ВРОДСКИЙ

1832 — 1932

22 МАРТА В 19 ЧАС. В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ

состоится торжественное заседание, посвященное столетию со дня смерти Гете

Вечер организуется Наркомпросом и Комиссией по литературному наследству Гете при Академии наук СССР и общественностью. Доклад об историческом значении творчества Гете будет прочитан тов. А. В. Луначарским.

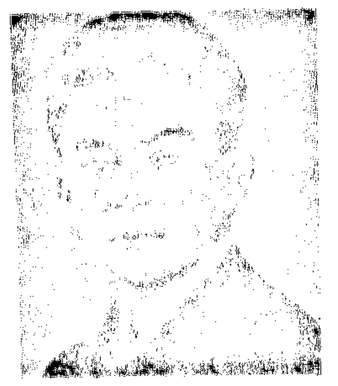
ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ: Доклад А. В. Луначарского «Гете, его время и его общество». Выступления: проф. П. С. Когана «О творчестве Гете». И. Луппол — «Естественно-научные взгляды Гете». Л. Авербах — «Гете и современная эпоха».

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ: с участием оркестра Государственной филармонии под управлением нар. арт. Л. П. Штейнберга, нар. арт. Ю. М. Юрьева (Мал. театр), засл. арт. К. Г. Держинская (ГОСТ), засл. арт. А. Г. Нелиен (Камерный театр), А. Степановой (МХАТ), В. А. Подгорного (МХАТ 2), А. А. Орлова (театр им. Вахтангова).

Билеты распределяются по организациям.

К 25-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭМИЛЯ МАДАРАСА

Рассказы о борьбе



Эмиль Мадарас — современный венгерский революционный писатель. Он боролся в рядах Красной армии во время венгерской советской диктатуры (1919 г.) и принимал участие в ликвидации контрреволюционных восстаний. Уже десять лет, как Мадарас живет в СССР и борется в рядах советского пролетариата.

Мадарас уже знаком советским читателям по переводам его многочисленных стихотворений и рассказов, простых по форме, но очень политически заостренных. Правильная оценка классовой мотивировки, правильная расстановка классовых сил, поразительная четкость и заостренность увеличивают значение редактируемой книги Мадараса.

«Борьба Павла Чигайды» * — «красный роман» о венгерской советской диктатуре, эпизоды подпольной работы в условиях белого террора. Перед читателем встает живые события революционных событий — отдельный матрос, коммунист-подпольщик, «солдат международной революции». «Борьба Павла Чигайды» — название не только рассказа и всей книги — привлекает внимание читателя к революционной борьбе, различные этапы которой здесь характерны. В первом рассказе показана борьба красных матросов за советскую диктатуру в начале наступления контрреволюционных чешских и румынских отрядов. В минуты краткой передышки — в тылу красные матросы проходят трудную учебу: здесь социал-демократ «товарищ мажистр» прорабатывает с ними книгу Каутского «Экономическое учение Карла Маркса». Автор красочно противопоставляет отсталого матроса Чигайду социал-демократу, педанту, у которого, по его собственным словам, «нет ничего общего ни с матросами, ни с их карьерским оружием истребления». Автор выявляет в этом образе истинное лицо социал-фашиста. Тематика остальных рассказов — события после подавления диктатуры. Характерен рассказ, рисующий разгар белого террора: молодая коммунистка под видом дамской старухи, преследуемая на каждом шагу шпионами и жандармами, пробирается лесом, чтобы предупредить товарищей о грозящей им опасности, но «заботливыми добрыми полицаи (*«Вилдарм идет»*).

Рецензируемая книга — книга рассказов о венгерских крестьянах и рабочих: здесь шестидесятилетний темный крестьянин, пытающий начетчик дедушка своих в партизаны, здесь отважная храбрая коммунистка, старый каменщик, участник революционной вспышки в Венгрии в 1905 г. Рассказы представляют собой художественное оформление различных моментов и случаев из революционной и нереволюционной жизни Венгрии. Местами им недостает литературной обработки. Лучше удается автору типы крестьян и рабочих, примыкающих к революционному движению. При зарисовке же враждебных революции сил автор иногда скатится на «юмористические» средства, не дает рельефных характеристик, и образы классовых врагов получаются более схематичными и менее разработанными. Обычно это грубые жандармы, выступающие как слепое орудие в руках капитала, классно разложившегося после войны судовой жизнью, задавленной страны.

Мадарас не только чисто революционное движение в Венгрии. Он делает попытку связать это движение с героическую диктатуру в начале наступления контрреволюционных чешских и румынских отрядов. В минуты краткой передышки — в тылу красные матросы проходят трудную учебу: здесь социал-демократ «товарищ мажистр» прорабатывает с ними книгу Каутского «Экономическое учение Карла Маркса». Автор красочно противопоставляет отсталого матроса Чигайду социал-демократу, педанту, у которого, по его собственным словам, «нет ничего общего ни с матросами, ни с их карьерским оружием истребления». Автор выявляет в этом образе истинное лицо социал-фашиста. Тематика остальных рассказов — события после подавления диктатуры. Характерен рассказ, рисующий разгар белого террора: молодая коммунистка под видом дамской старухи, преследуемая на каждом шагу шпионами и жандармами, пробирается лесом, чтобы предупредить товарищей о грозящей им опасности, но «заботливыми добрыми полицаи (*«Вилдарм идет»*).

Мадарас показывает и ошибки молодой пролетарской диктатуры в Венгрии — союз коммунистов с социал-демократами, которые сначала тайно, а затем и открыто пошли навстречу фашистской реакции (*«Борьба Павла Чигайды»*), непримиримую политику в отношении безземельных крестьян, что послужило поводом к недовольству среди них (*«Когда вернется Андрей»*).

Мадарас показывает и ошибки молодой пролетарской диктатуры в Венгрии — союз коммунистов с социал-демократами, которые сначала тайно, а затем и открыто пошли навстречу фашистской реакции (*«Борьба Павла Чигайды»*), непримиримую политику в отношении безземельных крестьян, что послужило поводом к недовольству среди них (*«Когда вернется Андрей»*).

Показывая незаметную в своей повседневности работу и борьбу коммунистов, красного моряка Чигайды, «солдата мировой революции» Фортунати, старого крестьянина Кемпенса, а этого отчасти осуществляет одно из заданий т. Сталина: показать в пролетарской литературе образ партийца-большевика. Рабочие и крестьяне даны автором с большой любовью и заинтересованностью.

Несомненно, что книга заинтересует и рабочего и советского читателя и поможет делу укрепления международной солидарности пролетариата.

В. ГУРВИЧ

Приветствия Э. Мадарасу

Секретариат МОРП шлет интернациональному пролетарскому писателю Эмилю Мадарасу пламенный привет.

Двадцать пять лет литературной деятельности наглядно показали, каким должен быть подлинный пролетарский писатель, подлинный боец своего класса и своей партии, как он должен пером и винтовкой сражаться за конечную победу пролетариата. Не немногим пролетарским писателям удалось с такой силой описать и так правильно оценить то огромное влияние, какое оказала Октябрьская революция на мировое рабочее движение.

Овладевая мировоззрением революционного пролетариата, выковывая свое художественное мастерство, Эмиль Мадарас в дальнейшем внесет еще более ценный вклад в мировую пролетлитературную движение.

В лице т. Мадараса мы чествуем весь авангард пролетарской литературы, в передовых рядах которого стоит Эмиль Мадарас.

СЕКРЕТАРИАТ МОРП

Редакция «Литературной газеты» приветствует Эмиля Мадараса — одного из передовых и неустанных бойцов пятнадцатилетнего фронта. 25-летний юбилей литературной деятельности Мадараса — это честь, подводящая итог огромной революционной работе, через, за которой открываются новые, еще более сложные горизонты борьбы и творчества.

Своей мастерской творческой практикой Эмиль Мадарас доказал свою преданность делу рабочего класса, международного рабочего движения. Стойкость большевиков, умение бороться за ленинское мировоззрение — залог того, что и в дальнейшем жизнь писателя будет связана с революционной практикой рабочего класса так же крепко, как она была связана до сих пор.

РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Горячо приветствую энтузиаста старого рапповского работника, товарища и друга по борьбе — Эмиля Мадараса.

Л. АВЕРБАХ

П. Пильченко

Бульвар Тюрлюр, 15

Этот отрывок является звеном из романа „Баррикады", посвященного Парижской коммуне, и сейчас далеко еще не законченного. Он заключает в себе рассказ о лавке отца Анатоля Франса—центра общественных сил—далеких или враждебных коммуне.

Возможно, что этот отрывок не войдет в роман. **Автор**

Планет коммуны

(Институт Маркса и Энгельса)

В книжной лавке Тибо действительно уже выступали (правда, тайком от Тибо-отца) сцены (вы находили — с тех бо) в качестве рекламных, а после того, как сделка уже была совершена, — на отведенном для этого месте в день значительных розничных продаж. Бросая на конторских заранее приготовленных святым за тибо, непрерывным потоком входили новые покупатели, хотя к столу с газетами давно уже нельзя было протолкаться.

Книжная лавка Тибо принадлежала к числу самых уютных и хорошо обжитых предприятий. Она знала в числе своих постоянных клиентов лучшие имена Франции. Она гордилась ими, как коллекционер гордится своими лауреатами, и не без внутренней радости записывала старый Тибо в заветную книжку горы той удивительной книжной премудрости, которой он писал таланты Ириэка. Портреты знаменитых писателей и ученых украшали стены лавки. Портреты были с надписями.

На полках кабинета помещались деловые книги хозяина, одна из них была посвящена сухотворным записям, другие являлись биографиями редких книг. Было записано точно, сколько экземпляров такой-то книжки существует, где, в каких кор. Третья книга была счет интересам клиентов. В ней были страницы Золя, Флобера, Гонкуров.

Нередкая строка за листе автора «Руж-Макара», заполненная первого взгляда, сказала: «Он использовано все одобрен». Восемьдесят брошюр выношел Тибо. Аграна не собирать.

Ежедневно Тибо тревожила старыми воспоминаниями. Приезжали работали новые люди, этих изводили с ума вопросами и через десять-пятнадцать лет сделал ему свой отчет. С такими, как Габриэль Бонно, злословившим отделом. Возражения сыпал бесчисленный академик. Подробно мне давно в выслушать тот вклад более самого прилежного библиографа, в двенадцать они

исследователя, не удовлетворяла Бонно критикой и так как он еще был в тому же сыном хозяина, то каждый раз отсюда увеличению входил его в прекрасные тайны своего ремесла. Римских и греческих классиков он узнал от отца. Это были его первые сказки, в которых невольным потом сказать, были ли они прочитаны, усвоенными или выдуманы самим.

В двадцать лет молодой Тибо знал все, что было в книгах всей цивилизации. Было непонятно, что он займется. Дюма не удивлялся, когда он глубоко заинтересовался искусством. Его познакомили с десятком молодых живописцев, чтобы он мог потренироваться с ними.

Тибо предстояло спешить или разрушить несколько репутаций, и каким образом он прочтет это, никого не интересовало. Возможно, что молодому Тибо еще хотелось заняться историей. Утром, отправляясь в очередь за ветчиной или салом в омнибус, чтобы поехать по объявлению о продаже книг, он стал брать с собой томик Плутарха. Иногда он перелистывал записки Цезаря или Аксиомы, покрытые пылью Титом Ливием. Мимо уже давно обращался к тому как к реперу собственной памяти. Действительно, он был слабость и воина, и в гимне со было просторно.

То же стал делать отец. Марат вернулся ему молчи изумления. Бонно обращены на него малочитересных утешных, и в конце концов на молчун хозяине любил прием почетных гостей за нерегочкой. События з отношении ко мне не могли интересовать в газете никого, кроме Тибо-сына. Здесь рассказывалось о событиях, еще не попавших ни в какие примечания, упоминалось о людях, не состоящих ни в словаре Великой революции, ни в дипломатических альманахах, и очень часто здесь проговаривались вслух мысли, еще не втиснутые ни в одну книгу.

Газетная газетой, как большим ежедневным языком, развитого входил в дарю Этьет Дола.

— А бога каждут!—крутая он, хрустя ее языком. — Вот во каждут!

—ю, распрямляя газету, перечитывая клух сводки с фронта, декреты и сообщения об арестах.

— Фраза на Карделяя, — тихо, чтобы не расслышала за переборкой, произносил я лавке Марат с презрительной иронией.

— Проду комиссия, это формула обтекаемой войны у африканского племени... Боги возлюбили.

Маша, как самый старший, тогда впервые высказывал спокойствие.

— И не из Харсейля, и не формула. Это сказано о нашей политике там, в Алжире.

Фалбер вбегал, как пересытая в электрический костюм водима. Его бархатная куртка была вся в меду, огненно-рыжий жилет цвета голенного заката отбрасывал отражения, белая манжета на руке не позволяла вытянуть ему в лицо. Так редко был он опят, так много было на ней солнца.

— Меня можно убить легко, — говорил он, — взять гасово протрезит «Одесса»—и я мертв. Сегодня уже морковный кофе, понимаете? Гроши всегда жить. Но-ка-да-на не будет. Я это не хочу жить. Нассета.

Или чаще. вежливо сторонясь от каждого встречного, молодой человек не лучших лет, с седыми у висков но румяной. Было и честно, что он переписывается с Гюи и что он многое может.

— Вам упавшим мир в силах еще поспеть за многое, — говорил ему кто-нибудь. — Дайте действительно напишем ему сообща.

— Да, кстати, ни знаете, кому хорошо живется во Франции?

— Нет. Кому?

— Мосье Гюи в Брюсселе.

— Это хорошо. Вам старик мил-тель он был отчаянный, но несмущенный

сделать отсюда сбежать, надо найти честность не смеяться об створы в дела Парижа.

— Вы не сынок страны. Он уехал, чтобы получить свободу высказываний. Он предпочел в качестве мер для примирения нас с Версалем.

— Что он поделывает там, в Брюсселе? Ах да, он печатается, конечно.

— Он пишет книги... Тех... Вот этих, с пряными этикет, ежедневно отправляет ему книги пачет в журналах и письма по двадцать страниц с характеристиками всех нас. Цитируете, ему нужны цитаты и характеристики.

— И много ватных он ему... — говорила Дюмасты. — Для хорошего исторического романа надо обязательно больше. Это не знает. На двадцать романов фабула, только характеристики придают глубину персонажам. Что он пишет?

— Это неизвестно... по некоторым слухам, что-то о девятого третьем годе в Вандее.

— Вандея! — Дюма выкрикивает это слово, как Колумб, увидевший землю.

— Черт ее возьми, конечно, Вандея. На опыте нашей коммуны можно написать все—и пожар Рима, и разрушение христиан в цирках, и борьбу католиков с гугенотами. Но главное, это—пейзаж, —чрезвычайно повторяет он.

Дюма-сын носил такое громкое литературное имя, что как бы создавал в себе опыт нескольких писательских поколений, и это ощущение опытности многих обязывало. Его отец, а потом и он сам писали так много, что легко было спутаться, что же кому принадлежит. На рабочий вопрос, кто автор «Христины», он отвечал с небрежной широкой точностью:

— Да, это наше. Это все мы. Дюма— это уже направление, господа!

И правда, он, как и отец, писал кровью своей судьбы, сценами из романов, из материала хлопка хлопок, но с нафеном старого самодержца. Вечерние прогулки среди парижской пестроты носились в его руках в отрывок из «Шехеразады», он придавал ему сюжет и заключал своего героя вымысла, потом вырезал свой рассказ из журнальной страницы и делал все чувства вымышленными, все поступки желательными. Ничего не существовало в природе—ни женских запахов жизни этажей, ни бедности, ни порока, ни нелепости, одно лишь мужество жажды. Чувства его героев не знали противоречий, выгоревшая борьба была им не понятна; единственное, что их интересовало, — жизнерадостный тонизм пол. Но человеку с таким именем потом-стоящего писателя нельзя было отказать ни в уме, ни в таланте, хотя многое из того, что он или все Дюма было яркой халтурой. Он сам это знал и даже иногда говорил вслух о халтуре, но с таким достоинством и гордостью, что никто бы не назвал вещью, затем же это делает он. Такой человек, как он, все имеет право делать.

В лавке Тибо его не любили. Покупая он сразу сотню-другую книг, исчерчивал поля их карандашом, вырезал страницы, позволяемая к рукописи, почти не исправляя, и слухи о его судебных процессах никогда не переставались среди букинистов.

Но все интересовались в лавку какой-нибудь новинка Эрманна-Шатриана. Даже в самом Париже многие считали Эрманна-Шатриана за одно лицо и не предполагали, что автор «Истории одного крестьянина»—это двое тихих и работящих альзасцев, полуфранцузов, полунемцев, из которых Эрманн до сих пор в отношении слыл за публициста, а Шатриан даже прошения в мерии был, как секретарь деньель. Они редко показывались на сто, и чаще всего в свет выезжал Шатриан.

Дюма всегда считал это и Эрманна своими отсталыми конкурентами.

Эрманн выпускал романы за романом в темных, понятных только покойнику Дюма-старшему. Они изготовляли все—стихи, рыцарей, повести и пьесы — и с такой добросовестностью, которая не чем каким не могла быть названа, как только идеальностью. «История одного крестьянина» слыла самым популярным романом за последние два года. В нем плодила простота изложения, новость безупречной темы, ненависть и дельность героев. Ни сюжетом героини Дюма, ни психологической игры Гонкуров, ни готорнов Гюго, ни языка Флобера, и в «Истории одного крестьянина» — это вторая громадная автобиография альзасского крестьянина Мишеля Гальяна, хранила величество мужского рода, крепкого своими нравами в время, мощную промышленность и патриотный мир в годы Великой революции. Это была энциклопедия жизни крепкого мужика, начинающего осознавать себя как великого социального сила. Дюма уже во французской литературе не было конца, которым бы с такою же неблагосклонностью и крепким знанием материала рассказывался о том, что думает и чем живет провинциальная Франция. Эту книгу немудренно выпечатывая ветхо истинными. Зола—и той как-то было то, что он сам создавал деньель и строчил жизни своего героя. После «Марсельских зорь», романа, написанного под влиянием Дюма, Зола искал новые методы обработки человеческого материала, намокая на новое от неловкости находил в «Истории одного крестьянина»

Боясь подумать до конца свою мысль, Дюма стоячий кашлем отвлекал, что за этими двумя тихими альзасцами часто стоит дело литературы, что которое пытаются читать многие философы их творения и растрачает глаза обществу на роль отдельных его классов в прошлое или давние дни.

И вот лишь только половина автора «Истории одного крестьянина» проникалась в дверь лавки, Дюма разражался шумной вокальной фразой:

— А-а, Эрманн-Шатриан, вы очень кстати Да, вы сможете мой друг! Сам-Там предлагают, кстати, и десяток потлотов.

— Вы рано,—сказал Любовь.

— Еще бы это спешилось! — патетически кричал Дюма. — Уже бы, молодой человек!

На площадь Согласия мчались незнакомые части и собирались сводные роты. Земля была так изрыта, что быстрокад, что спасшие покойники разрыли канализационные трубы. Отовсюду мутные лужи. Шла вонь.

*

Дюма-сын спросил Марата, пытаясь его к себе за вопрос чтения:

— Этот вот, что молчит... вонь?

— Друг молодого химика... художник.

— Ах, вот как, — обиженно и пе кровительственно проговорил Дюма. — Ну, молодо-зелено. Правда, дружище?

— Сейчас пойдешь с ним прогулке библиктеку, — сказал молчун Тибо.— Там предлагают, кстати, и десяток потлотов.

— Вы рано,—сказал Любовь.

Трибуна творческой дискуссии

Открытое письмо*

В. Ильенкову, А. Серафимовичу и группе Ф. Панферова

ПО ПОВОДУ РОМАНА „ВЕДУЩАЯ ОСЬ“

Декабрьский пленум РАПП, проведший на основе указаний партии, отметил, что творческая дискуссия в РАПП развернута еще недостаточно, далеко не всегда поднята на достаточно высокий идейный уровень, мало еще обогащает массовое литературное движение творческим опытом.

Мы считаем, что для подлинного развертывания творческой дискуссии необходимо говорить обо всех вопросах прямо.

Только повышением требований к пролетарской литературе, мы сможем вести успешную борьбу с различными правыми тенденциями в пролетарской литературе. У членов РАПП есть произведения, отражающие прямые буржуазные влияния (вроде упадочных произведений Острова, буржуазные влияния воронщины выражены в повести «Жили два товарища» В. Левина, влияния формализма, эстетства и чуждой идеологии сильны в повести «Июль — июль» А. Митрофанова * и пр.).

Сейчас буржуазная литература особенно усиленно выдвигает тезис о несовместимости искусства с социализмом. Нет смысла, разумеется, и полемизировать с этой буржуазной клеветой.

Но нельзя не указать на опасность, состоящую в том, что кое-кто в наших рядах объективно способствует буржуазной литературе, создавая те или иные теории, отрицающие необходимость борьбы за поднятие идейно-художественного уровня нашей литературы, отрывающие задачу овладения сегодняшней тематикой от борьбы за идейность, за художественность.

Ваша творческая группа вместе со всеми другими творческими группировками РАПП и в частности с нашей группой должны вместе, сомкнутым строем, вести борьбу с буржуазной литературой и с ее влияниями. И именно поэтому нам необходимо освободиться от всего того, что может помешать успешности этой борьбы, — от всех тенденций вульгаризации, принижения, сужения, ограничения задач пролетарской литературы, которая должна быть шагом вперед в художественном развитии человечества.

Нам думается, что вы, товарищи, неправильно понимаете лозунг «Магнитострой литературы». Это неправильное понимание нашло выражение в частности в выступлении члена вашей группы т. Панферова на декабрьском пленуме правления РАПП. Вот что он говорил:

«Нам было пред'явлено дать «Магнитострой литературы», причем было сказано не менее десять, пятнадцать лет, а дайте литературу о Магнитострое с окончанием его постройки, а в то же время было сказано: не торопитесь, не забывайте, что Магнитогорск строится из котлованов, железа и цемента, — дайте его реально, а не отвлеченно».

Сводя лозунг «Дать Магнитострой литературы» к литературе о Магнитострое — лишь как об'екте описания, — тов. Панферов игнорирует необходимость борьбы за повышение качества пролетарской литературы.

Тов. Панферов не понимает, что «Магнитострой литературы» это не только литература о Магнитостроях, но это такая литература, которая художественно осмысливает действительность с точки зрения более высокого этапа пролетарской, социалистической революции, с точки зрения практики периода вступления в социализм.

Мы считаем необходимым иметь полную ясность по затрагиваемым нами вопросам, потому что из неправильного понимания главного лозунга пролетарской литературы вытекает ряд вредных выводов, находящих выражение в творческой практике и в частности проявившихся в «Ведущей оси».

Роман Ильенкова «Ведущая ось», разумеется, представляет собою явление другого порядка, чем вещи Овалова, Исбаха или Горбатова. То, что т. Ильенков задумал изобразить жизнь завода в первые годы реконструктивного периода, задался целью — средствами художественной литературы — решить злободневные задачи борьбы за промфинплан, за выполнение пятилетки, то, что т. Ильенков попытался поставить ряд таких важнейших и современных проблем, как социалистическое отношение к труду, овладение техникой и пр. составляет положительные стороны романа. Положительным моментом романа Ильенкова, могущим в известной мере обогатить творческий опыт пролетарской литературы, является стремление т. Ильенкова стержнем развития всего произведения дать производство. Все это, несомненно, представляет собой бесспорный шаг вперед в творческом росте автора. Однако этот рост ограничен тем, что т. Ильенков на новой теме, на новом материале не только не преодолевает недостатков своей прежней творческой деятельности, но и воспроизводит их на расширенной основе.

Высокое значение «Ведущей оси» как программного документа вашей группы обязывает нас рассматривать этот роман не в плоскости отдельных, частных его недостатков или достоинств, а брать в целом как выражение определенной творческой линии.

На наш взгляд роман «Ведущая ось» не приближает нас к методу, которым можно создать Магнитострой литературы, а наоборот, уводит нас в сторону, на боковую дорогу.

Между тем статья т. Серафимовича, помещенная в «Правде» от 21 февраля, возводит роман Ильенкова в перл создания. Тов. Серафимович, таким образом, объективно поощряет понижение требований к пролетарской литературе, поэтому мы обязаны полемизировать со статьей т. Серафимовича.

* В ближайшее время «Напост. Смена» опубликует развернутую оценку повести Митрофанова.

За большевистски осознанное историческое содержание

Тов. Ильенков хочет поднять тему борьбы рабочих паровозостроительного завода в первые годы реконструктивного периода на идейную высоту марксистского положения об исторической ведущей роли рабочего класса в социалистическом переустройстве общества.

Что значит художественно воплотить идею ведущей исторической роли пролетариата в эпоху социалистического переустройства человеческого общества? Это значит прежде всего дать такое изображение описываемой действительности, в котором художественно был бы дан образ большевистской партии как авангарда рабочего класса.

Но в произведении партия не дана как основное звено в развитии идеи романа.

В романе описывается громадный, пятидесятитысячный завод, очевидно, с большими революционными традициями, большой партийной организацией, с заводским райкомом.

Возьмем образ секретаря райкома Вартаньяна. Вартаньян дан как «левак» в прошлом. Это обязывает показать, как в процессе партийной работы, руководства заводской парторганизацией Вартаньян на деле осмысливает свое «левацкое» прошлое, на практике освобождается от своих «левацких» представлений, становится действительным большевиком. Такой смысл может иметь выбор для образа партийного руководителя именно бывшего уклониста. Так представлял себе дело, повидимому, т. Ильенков. Если бы т. Ильенков ставил себе целью показать, как в практике работы Вартаньяна обнаруживается неизжитое им левачество, левацкие извращения партийной линии, то всем ходом развития романа он должен был бы показать, как партия, партийная организация исправляет Вартаньяна, против него, вопреки ему осуществляет партийную линию, но на это в романе нет и намека. Не умея дать реального соотношения партийного руководителя и партийной массы, персонифицируя в образе Вартаньяна проведение партийной линии, Ильенков превращает его по сути дела в «героического одиночку».

Вокруг Вартаньяна нет райкома, нет сплоченного актива, нет парторганизации. В романе выведены только отдельные коммунисты: Андрюшечкин, Титыч, Оля Яковлева, Платов, но они — одиночки, за ними бесформенная политически бездейственная масса. Ни один из перечисленных коммунистов не представляет собой образ типического большевика.

Связь с рабочей массой не дана как связь парторганизации, как единство авангарда — коммунистического коллектива и рабочей массы, а как личная близость Вартаньяна к рабочим. Вартаньян ходит по цеху. Он выражает сочувствие рабочему Жорову, разбивающему тяжелую чугунную чушку. Тот советует ему самому разбить чушку, что и делает Вартаньян.

«Вартаньян посмотрел на свои руки: они были покрыты густой металлической пылью и от этого казались тяжелыми и сильными... Мимолетное прикосновение к тому, над чем трудились тысячи людей, черные пятна на руках и ощущение в пояснице сделали материально ощутимым, весомым и понятным то, что вчера еще для него было отвлеченной, бесцветной всеобщностью: сухие цифры из отчетов заводоуправления и резолюций облекались в тяжелую плоть металла... И этот заводской тысячерукий трудовой коллектив... через свою серую безликость, безымянность потными пятнами человеческих лиц и сделался физически ощутимым во всем своем многообразии и пестроте».

Видите ли, Вартаньян самолично разбил чугунную чушку, приобщился к труду, почувствовал «похрустывание в пояснице» и сразу «отвлеченные абстракции резолюций» наполнились конкретным «физически ощутимым содержанием». Здесь, как ясно видно из приведенного отрывка, этому обстоятельству придается большое принципиальное значение. Но, может быть, такое значение придает этому моменту только Вартаньян? Но это не так. Нигде в романе не раскрывается ошибочность такого понимания, а наоборот, в ходе романа этот момент вырастает до широкого обобщения, превращается в символ революционной практики.

Мотив «чугунной чушки» в романе не случаен, он связан с теорией рабочего «нутра», стихийничества.

Вартаньяну в действительности не хватает как раз большевистского умения «осмыслить стихию, направлять ее движение в русло пролетарской революции» (И. Сталин). Запоздалое раскрытие вредительства на заводе Вартаньян видит только в том, что он, Вартаньян, своевременно не поговорил со стариком-рабочим Кузьмичом.

Кстати, об идейной функции образа Кузьмича. В романе Кузьмич («хозяин») выполняет специальную роль представительства рабочего «нутра» как такового в его, так сказать, чистом виде. Кузьмич — «персонифицированный» пролетарский инстинкт. Здесь т. Ильенков демонстрирует другую сторону своего непонимания проблемы учебы у масс. Тов. Ильенков не понимает того, что практический опыт борьбы масс есть живой, конкретно-исторический творческий опыт, а не некая неподвижная, застывшая, извечная категория «рабочего нутра».

«Хорошие» коммунисты в романе выступают «жертвенниками».

Таков путь к будущему дан и в представлении самого т. Ильенкова. «Будет день... Иные упадут с пути с остановившимся сердцем. Другие собьются с дороги, потеряв веру в успех совершаемых дел. Третьи погибнут на полях грандиозных сражений. Четвертых революция забросит за тысячи километров — туда, где будет самая горячая схватка... сегодня бессонна ночь, неуемна тревога».

Выходит, что революция несет рабочему классу одни жертвы. А громадный культурный и политический подъем страны? Но разве сегодняшний день характеризует только тревога, а не громадная уверенность в силах рабочего класса, в победе социализма?

Может ли служить мотив жертвенности средством выражения идеи рабочего класса как «ведущей оси» человечества? А ведь этот мотив — один из основных эмоционально окрашивающих роман.

Итак, идея партийного, большевистского руководства революцией по сути дела оказалась подмененной в романе мотивом мелкобуржуазной жертвенности.

*

Какое же разрешение получила идея произведения в основном конфликте романа — борьбе рабочих с вредительством на заводе? Прежде всего, в романе не дано политической обстановки того периода, его политической атмосферы, и этот неправильный исходный пункт уже предрешает результат. Изображаемое явление, не будучи об'яснено из реальных противоречий классовой борьбы, не может быть изображено в художественном произведении как явление реальное.

За психологическими колебаниями, за противоречиями морально-этического порядка старой технической интеллигенции не вскрыта политическая дифференциация в ее рядах.

Характерное противоречие вредительства: выступление жрецов «чистой науки и техники» в роли «разрушителей машин» не получает у Ильенкова социально-классовой расшифровки.

Это в частности не удается т. Ильенкову потому, что в целом в романе не вырывается вредительство как возникавшая на определенном этапе форма классовой борьбы в реконструктивный период, как сопротивление капиталистических элементов социалистическому наступлению рабочего класса.

Важнейший, определяющий момент политической обстановки — развернутое социалистическое наступление — не сказался в романе и в изображении и других отрицательных явлений этого периода. Так, оппортунизм завода Корченко выводится Ильенковым только из индивидуальных свойств Корченко: стремление не уронить свой собственный авторитет в результате подрыва авторитета завода, не поплатиться, не ударить лицом в грязь перед общественностью, а не из паники перед трудностями классовой борьбы, не из испуга перед социалистическим наступлением.

В романе не вскрыт оппортунизм до конца, не вскрыты его классовые корни, и поэтому он остается «случайным эпизодом» в биографии Корченко, «случайным эпизодом» в жизни завода — «плохой директор» — и только! На борьбе с оппортунизмом не закаляются массы, не проходят школы политической борьбы. Так же, как школы политической борьбы не показано в романе и из борьбы с вредительством.

*

Но, может быть, в романе показано отношение завода к крестьянству, и по этой линии нашла себе выражение идея о ведущей роли рабочего класса?

Ильенков ограничивается аллегориями: «завод — огромное сердце мужицкой области», «мужицкая» же область в свою очередь фигурирует только как «цепкие бородавки хуторов».

Типического отражения взаимоотношений завода и «мужицкой» области в данный период революции ни в одном из образов, ни в одном из положений романа не дается. Всюду, где о деревне говорится, она представлена как деревня «вообще», как деревня вне времени и пространства, абстрактно противостоящая «огромному сердцу-заводу», а не как деревня периода социалистического наступления на капиталистические элементы, кипящая той борьбой, которая находит свое выражение и в жизни завода.

На заводе много рабочих, пришедших из деревни, в романе они даны как постоянно враждебная городу сила.

Так рисовать приходящего на социалистическую стройку крестьянина пролетарскому писателю не к лицу.

Точно так же не выявлены реальные влияния городской мелкой буржуазии на отдельные прослойки рабочей массы. Мелкобуржуазные настроения одного из описываемых рабочих (Сергей Векшин) об'являются «голосом крови».

Рабочий класс в романе раздваивается на какой-то абсолютно чистый, абстрактный, внеисторический пролетариат и массы «простых» рабочих, которые выступают как сплошная, как грубая, политически несознательная, некультурная масса. Функции абстрактно-чистого пролетариата выполняет в романе Кузьмич («хозяин»). Этот герой, представляющий «абстрактный пролетарский дух», — самая схематическая и идеализированная из всех фигур романа.

Одно из важнейших требований, пред'являемых Энгельсом к художественной литературе, сформулированное в его знаменитом письме к Лассалю, есть требование осознанного исторического содержания. Методу т. Ильенкова совершенно чужда именно эта важнейшая черта метода пролетарского художника.

Метод т. Ильенкова антиисторичен.

За показ типичных характеров в типичной обстановке

Против шиллерствующей бытовщины

Роман т. Ильенкова построен на событиях, которые действительно имели место в жизни, т. Ильенков действительно ничего «не выдумывает», но то, что было, представлено им так, что остается лишь внешнее сходство, лишь подобие действительного.

«На мой взгляд реализм подразумевает кроме правдивости деталей и верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах», — говорит в одном из своих писем Энгельс.

Верно передать «типичные обстоятельства» нашей действительности может лишь художник, применяющий ленинскую диалектику.

Абстрактность в соединении с грубейшим эмпиризмом метода т. Ильенкова не позволили ему передать в своем романе именно типических обстоятельств.

Но нельзя создать и действительно типичных характеров, не умея воспроизвести типической обстановки, которая «их окружает и заставляет их действовать».

«Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе как внешне» (Ленин).

В романе много действующих лиц, но ни одно из них не представляет собой типа, характера, оставаясь механическим соединением внешне сцепленных деталей и черт.

Возьмем образ Жорова. Жоров дан как «ожесточенный человек». Он «ожесточился», стал хулиганом и пьяницей, так как у него в деревне сожгли «двор». Это «ожесточение» усиливается тем обстоятельством, что на заводе его не ставят к машине. Он и вредителей [illegible]. Затем их разоблачает. Желание работать на машине осуществляется. [illegible]. Такова линия развития образа Жорова в романе.

Так «индивидуализирует» Ильенков образ крестьянина, пришедшего на завод. Так могло быть и в жизни. Но образ Жорова художественно бессодержателен. Ни одно из обстоятельств индивидуальной биографии Жорова не несет какой-нибудь нагрузки в выявлении типичности этого образа. Вся линия поведения Жорова на заводе не вытекает, как нужно автору, как типично крестьянская, держится на факте: сожгли двор — ожесточился. Самый приход Жорова на завод из деревни мотивируется этим обстоятельством.

Но образ Жорова в романе не исключение. Возьмем образ рабочего Носова. Идеально полно в романе развитый Носов — [illegible], потерявший полатружок, таков он в своей видимости. Одержимый жаждой стяжательства, уютом, он продается вредителям, становится предателем рабочего класса. Тов. Ильенков хочет дать здесь конфликт между классовым долгом рабочего и мелкобуржуазными стремлениями к личному обогащению. Какие же мотивы составили движение этого конфликта, определяя собой и его разрешение? Носов тяжело болен туберкулезом, ему надо лечиться. Но вместе с рабочей совестью вредители [illegible]. «Легкий заработок, легкие деньги» цепко держат его, как клещи, в руках вредителей.

Как развертывается дело дальше? Постепенно для Носова становится ясной бессмысленность погони за житейским благополучием в ущерб здоровью. Он начинает ненавидеть свой дом, уют, [illegible], так как все это куплено ценой собственного здоровья.

Это обстоятельство у Ильенкова должно подготовить победу классового долга рабочего над мелкобуржуазным эгоизмом. Ильенков выводит своего героя из порочного круга противоречий тем способом, что герой убеждается в «тщете и суетности» всего житейского, а раз так, то логический переход на путь честного рабочего не труден, поскольку главным препятствием здесь была как раз невозможность личного благоустройства. Все это ложно от начала до конца. Стремление к уюту, желание сносно устроить свой быт сами по себе не находятся ни в каком противоречии с выполнением классового долга рабочего. Повышение жизненного уровня рабочего класса есть одна из задач социалистической пятилетки.

В чем же дело? В том что рабочий Носов, употребляя выражение Ленина, «смотрел на добычу хлеба и одежды как на частное дело», в том, что он повышение своего жизненного уровня искал не на путях разрешения общих задач класса. Вот истинное противоречие образа Носова.

Возьмем еще одно противоречие, противопоставление двух образов: рабочего Сергея Векшина и красного инженера Платова. На этом противоречии Ильенков хочет вскрыть противоположность двух линий, двух подходов. Одна линия — это линия сына кустаря, рабочего Сергея Векшина, мечтающего «выбиться в люди» путем внешнего образования, которое рассматривается им как средство подняться над своим классом; другая линия — [illegible] рабочего Платова, должная давать образ представителя нашей новой, рабочей технической интеллигенции. Дать Платова как другой, качественно иной социальный характер чем Сергей Векшин, таков замысел автора. Однако, несмотря на обилие внешних столкновений и конфликтов между этими двумя людьми, действительного вскрытия противоположности их линий в романе не получилось.

Платов ни на минуту не забывает о своем «инженерстве», он не просто, свободно, естественно входит снова по возвращении с учебы в рабочую среду, из которой он вышел, — нет, для него это уже целая проблема, ибо он сам мыслит себя уже как нечто отличное, особое, постороннее этой среде.

Тов. Ильенков в обрисовке психологии Платова не сумел схватить как раз специфическое, характерное для нового типа представителя рабочей интеллигенции, поэтому противоречие Векшин — Платов потеряло в романе свой смысл, осталось внешним, несущественным.

Тов. Ильенков в отличие от литфронтовцев в обрисовке персонажей стремится избегнуть схемы. Действующим лицам придается индивидуальная окраска путем комбинации различных реальных в отдельности черточек быта, профессии, занимаемого положения, личной биографии. Типическое т. Ильенков понимает как повторяющееся много раз. Он привязывается к какой-нибудь черте, какому-нибудь факту, обстоятельству или к детали обстановки, сводя выявление характерности персонажа к назойливому повторению этого факта или детали.

Характерность речи действующих лиц достигается Ильенковым точно так же путем назойливых повторений. Рабочие то и дело употребляют «характерные» присловья.

Однако «жизнеподобие» не есть еще преодоление схематизма и отвлеченности. Напротив, то и другое прекрасно уживается друг с другом.

Там, где т. Ильенков описывает то, что в его представлении является «жизнью как она есть», — там бытовщина в натуральном виде, а там, где по ходу действия в силу необходимости нужно выразить идейную борьбу, политические интересы, проблемы социального значения, раз'яснить «смысл событий» там Ильенков подымает бытовщину на ходули отвлеченных суждений, риторики, фразеологии.

Герои его становятся «рупорами духа времени», вставленными в бытовую рамку.

Принцип эклектического выдергивания кусочка одного, кусочка другого и лежит в основе того подхода, который обнаруживает т. Ильенков в своих попытках дать художественную индивидуальность, характер. В отличие от литфронтовцев, характерной чертой которых была метафизическая односторонность, он своими образами, всеми своими неудавшимися типами дает пример ложной эклектической многосторонности.

Борясь с «Литфронтом», мы выступали против схематизма, против односторонности. Критикуя ваш роман, мы выступаем против эклектической многосторонности, связанной с эмпирическим нагромождением недостаточно продуманного и осмысленного материала, против «жизнеподобия», восполняемого аллегорией, риторикой, «аргументирующими сравнениями», против «шиллерствующей бытовщины».

Против мелкобуржуазной уравниловки и обезлички в стиле

В чьем бы восприятии Ильенков ни давал завод: будь то рабочий Мохов, романтический [illegible] Юлов, секретарь парткома Вартаньян, какой бы момент из жизни завода автор ни брал, — везде завод предстает в диком скрежете, грохоте и гуле. В этой обезличенности, в этой мертвенной неподвижности описаний выражается все тот же внешний, абстрактный подход к изображаемому, неумение проникнуть в его живое содержание. Поэтому и люди завода в романе «мечутся и прыгают вокруг болванок». В описании завода у Ильенкова нет той новой точки зрения, которой требует именно советский, социалистический завод.

«В грохоте, в отсевах кроваво-просвечивающего металла черные задымленные фигуры рабочих режут, подымают молоты, потрясающе ахают, скрежеще [illegible]».

«Руда большими, сразу покрасневшими островками закружилась в водовороте расплавленного металла, зашипела и утонула в огненной массе, и тогда сталевар, как фантастический маг, варящий какое-то чудовищное варево, принялся методически помешивать в ванне большой клюкой... металл кипел».

«Июльское солнце не может побороть электричество, расплеснутое грохочущим гигантом... электрические бело-фиолетовые [illegible], будто обронила сказочная жар-птица».

«Казалось, на черных полях электрического крана повисло полуденное июльское солнце».

«Внизу рождался звон металла, срастаясь с шумом станков, он разносился по цеху, обвивал Олю волнами грохота, и она, смутно улавливая ритм шума машин, тихо запела:

«Но этот труд в конце кон-ц-ов
Из на-а-с же выковал бое-цо-ов...»

Сверху струилась песнь металлической звонкой стружкой».

«Металл ревел и рычал под ударами пневматического молотка. Звенящие волны катились по цеху, сшибаясь с треском десятков молотков, с тревожными воплями кранов, бьясь в стену, в высокую тяжелую крышу и падали вниз на головы людей...»

«Продвинувшись вперед, она вытянулась, напряглась и, казалось, хотела прыгнуть в самую гущу бесчувствующего чугуна. В этом положении она напоминала Семену тугую натянутую струну. Таня была в эту минуту замечательно хороша, в глазах ее отражался дикий сумасшедший блеск расплавленного металла».

Будьте добры, т. Ильенков, в приведенных цитатах «индустриальной лирики» из романа Исбаха «Крушение», из высказываний т. Серафимовича о вашем романе, из откровений [illegible] романа Федорчика, из очерка Юлова, [illegible] и из самого романа «Ведущая ось» найти и отличить свое.

И чем вы докажете, что в ряду других оно является вашим?

В вашем стиле господствует уравниловка и обезличка.

В своем изображении вы, т. Ильенков, действуете наивно формалистски: вы стараетесь приделать форму к содержанию.

«Зал разинул тысячеротый зев», «зал гудел, кричал, возмущался, кипел темной злобой и раздражением». Вы не умеете так описать рабочее собрание, чтобы это описание противостояло восприятию вредителя Гряева, которому рабочая масса на собрании кажется «рычащими зверями».

«Всякое слово (речь) уже обобщает» (XII ленинский сборник, стр. 219).

Эпитет есть уже отбор, осмысливание, определение, обобщение. Язык, прием, изобразительное средство не есть нечто внешнее чуждое пониманию изображаемого, мысли о нем.

Для материалиста-большевика понимание предмета включает в себе практическое к нему отношение. И это отношение в художественном произведении может быть выражено не только в том или ином ходе мыслей и рассуждении о предмете, оно может и должно присутствовать в каждом описании, в каждой фразе, во всей художественной ткани произведения. Вашим «художественным» определениям, т. Ильенков, чужда эта черта. Ваши намерения, ваши идейные побуждения не находят себе выражения в стиле вашего романа.

Вы хотите показать т. прием рабочими иностранной коммунистической делегации, их теплое радушие и пролетарское гостеприимство, а ваше изображение таково, что оно опошляет, принижает этот значительный сам по себе факт: «Гостей быстро расхватали. Саша уцепился за черного негра и потащил его в пионерский клуб. Платов, подхватив под руку немца, повел его в мартен, остальных разделили между собой Вартаньян, Оля и Корченко».

Писатель добросовестно относящийся к художественному слову, так не писал бы даже об арбузах.

«Ливень рушился на гремучие, железные крыши, вскипал гремучими фонтанами у земли, пригибая Корченко, кромсая его бессильное тело. Он полз на коленях, задевая боками какие-то острые куски металла, остервенело [illegible], пытаясь освободиться от цепких железных прутьев, оплетавших его ноги, задыхался от ярости и холодного ужаса, и всюду его руки натыкались на противные склизкие, невидимые [illegible]. А кругом его метался черный воющий ветер, мчалась вода, неистово бил гром, сотрясая землю».

Так был наказан т. Ильенковым правый оппортунист Корченко!

Здесь дело, однако, не только в таланте. Здесь дело и в самом неправильном подходе т. Ильенкова к важнейшим задачам пролетарской литературы, которые он взялся в своем романе осуществлять. В романе «Ведущая ось» новая тема взята лишь как объект, как предмет описания.

В «Ведущей оси» новая тема не находится в связи с дальнейшим ростом и развитием содержания пролетарской литературы, поэтому и в стиле романа Ильенков движется назад от новой темы, к сожалению, даже не к пройденному пролетлитературой этапу, а к беллетристическим шаблонам бытописательских романов «с направлением».

Простота художественного стиля в нашем понимании не есть бедность, неразвитость, напротив, она есть результат развития, — такая форма, в которой с величайшей точностью, глубиной и полнотой выражено содержание. Такой простоты наша литература еще не достигла. В нашей творческой практике мы должны добиваться этого, вырабатывая форму, понятную миллионам.

«Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху, к чему так склонны интеллигенты. С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование, ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах, подхода к делу, в способах осуществления».

Это высказывание Ленина о социалистическом принципе управления, с которым он связывает, из которого он прямо выводит соревнование, имеет непосредственное отношение и к литературному делу. Пролетарское литературное движение зиждется на том же принципе единства в коренном, в основном, в существенном, и осуществление этого единства в практике художественного творчества как раз и обеспечивается обилием подходов, многообразием в особенностях, в способах, в творческих путях и т. д. Ваше произведение, т. Ильенков, не способствует этому разнообразию, оно не стимулирует соревнования.

Вторая социалистическая пятилетка, на пороге которой мы стоим, ставит перед пролетарской литературой такие задачи, осуществление которых будет означать создание великой художественной литературы всемирного значения. История, социализм, рабочий класс пред'являют сейчас пролетарской литературе самые высокие, более высокие, чем когда бы то ни было, требования. Пролетарская литература не может, не имеет права подходить к отдельным своим писателям, к отдельным своим произведениям иначе, как в свете этих требований.

И разве пролетарская литература так бедна, что она не может позволить себе этого? Разве в сегодняшний наш критерий художественной оценки произведений на новую тему не входит уже достигнутый нашей литературой художественный уровень, разве в этот критерий не входят, к примеру, тот же «Железный поток» т. Серафимовича? Разве, начиная новый этап в нашем развитии, мы начинаем пролетарскую литературу сначала? Нет, мы не можем снижать наших требований, мы не можем подходить к произведениям эпохи социализма с более низкими оценками, чем к произведениям предыдущего этапа.

«Ведущая ось» есть программный творческий документ, результат годовой работы группы т. Панферова, — так декларировал на декабрьском пленуме РАПП т. Панферов.

«Ильенков знает, какую помощь оказала ему группа в его творческой практике», — говорил т. Панферов. Но мы полагаем, что ваша группа помогала тов. Ильенкову плохо в деле выработки метода материалистической диалектики, в деле подлинного большевистского глубокого осмысливания материала, в деле преодоления эмпиризма, и хотим нашей критикой помочь ему встать на правильный путь творческого развития.

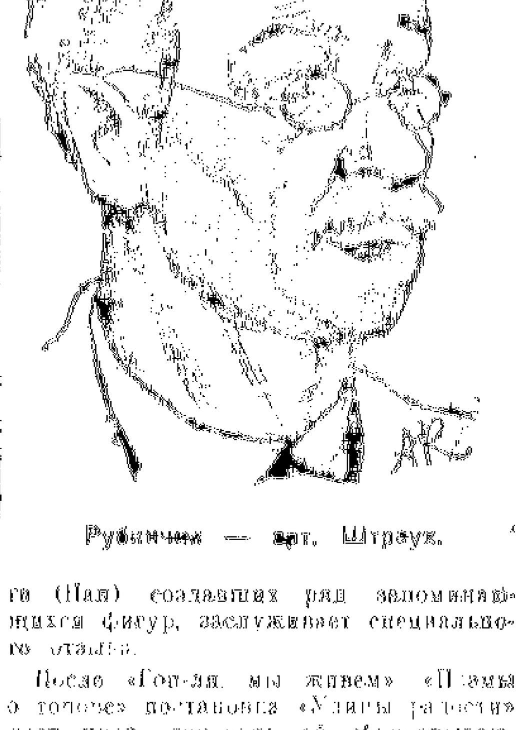
Мы надеемся и верим, что тов. Ильенков, прислушавшийся к голосу критики, сумеет в дальнейшей работе исправить многие частные недостатки первой части романа. Но, к сожалению, не все, ибо основные, крупнейшие, идейные и художественные недостатки «Ведущей оси» связаны с пороками творческого метода т. Ильенкова. Исправить эти недостатки — это значит поправить самый творческий метод. Писать дальше «Ведущую ось» — это значит писать ее по-новому, иначе, не так, как она уже написана.

По поручению группы «Напостовская смена»: А. АФИНОГЕНОВ, А. ГИДАШ, И. ГОРБУНОВ, Г. ГРИН, А. КАРАВАЕВА, М. КОЛОСОВ, Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ, А. МИТРОФАНОВ, В. РЕЗЧИКОВ, М. СЕРЕБРЯНСКИЙ, А. СУРКОВ, Е. ТРОЩЕНКО, С. ФРИДМАН, Н. ШУШКАНОВ, М. ЭГЕРТ, ЭС-ХАБИБ-ВАФА.

* Печатается в сокращении. Ред.

Пьеса Зархи в театре Революции

Рис. А. Костомолоцкого



Рубинчик — арт. Штраух.

Джой-стрит, рабочая окраина Лондона, большой каменный дом. Жизнь его пестрого населения перенесена на сцену с добросовестностью хорошего пейзажиста. Как-будто сам автор [illegible] из окна дома на Джой-стрит и занес в свой блокнот. Кикси опять истязает маленького Луиджи. Бедная Долли уволена с фабрики, [illegible]. Это не горячие, [illegible] краски, которые живо описали бы сегодняшнюю империалистическую Англию [illegible], готовящие ее гибель.

Акварель. Зарисовки. Порой мастерски, со вкусом сделанные рисунки отдельных сцен и фигур.

Дом на лондонской окраине, — это «капля», в которой должна отражаться сегодняшняя Англия. [illegible]. Но самые нечистые в нем [illegible] — капиталисты, ростовщик Мистон и владельцы кредитных. Это те кошки, [illegible] которых здесь нет. Настоящие хищники не живут, конечно, на Джой-стрит.

Ладно. Допустим, что дело не в ростовщике и не в Кикси, а в рабочем населении дома, окраине Лондона. Но вот, скажем, старик Джонсон, лейборист? В конце пьесы он переходит к большевикам. Почему? Капиталистическая рационализация, увольнения рабочих, забастовка протеста, [illegible] стачка сорвана. Все это [illegible] Джонсону. Возможно, вероятно конечно. Однако все эти события [illegible] перерождение Джонсона, происходят только на словах. [illegible]

Или Долли? С большой чуткостью выписана автором эта фигура. Классовое чувство говорит у Долли еще очень робким языком. Она «хочет быть немножко счастливой». Она не замечает в своем возлюбленном Хилтоне — социал-фашиста. И вот Долли дает ему пощечину, засим переходит к большевикам. Возможно, вероятно конечно. Но где это доказано в пьесе? Случайный разговор Хилтона и Долли о том, что большевистские листовки спрятаны у Джонсона, подслушивает шпик. Джонсона арестовывают. И Долли кричит: «Это из-за тебя, Хилтон». Дает ему пощечину. Задуманная сцена.

Автор дает ситуацию, на которой мог бы остановиться. Хилтон, угодливый хозяевам, устраивает Долли на высокооплачиваемое место. Долли смущена: что такое, все уволены, в тюрьме, а ее принимают назад с повышенным окладом. За что? Ей «стыдно», [illegible] удар ее безмятежной наивности в Хилтона нанесен. Она больше не веселая болтушка: станет сознательнее, избегает Хилтона. Здесь надо было ставить точку. Больше художественного такта!

Далеко не случайное явление в нашей драматургии, когда авторы перестраивают своих героев сразу «на все сто процентов», «фактически» же герои перестроены, скажем, на «девяносто». Выше автор не поднял нехватки сил. Но кому нужны дутые цифры? Они внушают подозрение даже в тех двадцати, которые истинны.

Или Рубинчик. Это — образ, — особенно у актера Штрауха. Жест у Рубинчика — Штрауха — не столько дополняет речь, сколько заменяет самые его отдаленные мысли. [illegible] Рубинчика убивает полисмен выстрелом в спину. Странное дело, но смерть Рубинчика не волнует зрителя, не вызывает горечи обиды и гнева, которые обычны при смерти героя. Потому что Рубинчик — это колоритный со многими выразительными психологическими деталями, но портрет. Если бы выстрел был результатом драматического столкновения двух сил, борьбы, вызывающей у зрителя нарастание внимания, опасения, страсти, тогда выстрел дал бы эмоциональную реакцию. Сейчас автор не думал давать подобного рода столкновений — только эпизоды. Зачем же холостой выстрел? Для информации?

Хилтон — собрание общих слов, так же как и коммивояжер Норрис, — нет тех красочных пятен, тех деталей, которые дают жизнь образу. Это не Рубинчик, не острый Спавента, не памфлетная Кикси, не гротесковый Гоукер, не графически четкая Долли. Маленький Луиджи метко схвачен автором. Умирает Луиджи от удара дубинкой, который он получил где-то там на... митинге. Сообщение о его смерти принимается без того волнения, которое ожидалось. По тем же причинам.

Единственный выстрел, достигающий цели, — выстрел Спавенты в мистера Гоукера, в жалкого, ничтожного Гоукера — мужа свирепой Кикси и [illegible] умершего Луиджи. Так Спавента «борется» с капиталом: жалкая анархическая идеология его разоблачается этим выстрелом. Спавенту уводят, а он пытается петь «Интернационал». И Стебелинер яростно кричит: «Замолчи. Поешь фальшиво! Не смеешь петь». — «Ты плачешь?» — спрашивает [illegible] Спавенту, и в ответ: «Я? Из-за кого? Из-за этой плюгавой душонки?! Ты мало меня знаешь, девчонка! Я смеюсь! Я весел! Я пою!» Это подлинно драматический момент. Выстрел — как смысловая характеристика. В этом месте пробивается наружу мысль, не только простая зарисовка.

Законченный образ ханжи — Кикси. Ее разговор с богом как с компаньоном в деле. Ее забота о детях, которых она заставляет стоять на коленях и петь псалмы под музыку патефона (!). А вот в фигуре Норриса нет этих характеризующих штрихов.

Оттого что одни персонажи сделаны как портрет и зарисовки, а другие требуют для своего раскрытия интриги — интриги же нет, а портретной характеристики автор не дал, — получилось, что на первый план выступили Рубинчик, Спавента, Кикси — далеко не ведущие персонажи Джой-стрит.

Единство этим разрозненным моментам создает конструкция Ильи Шлепянова. Дом — каменный мешок, двор, похожий на дно колодца, стены которого — выжженные, оголенные, без единой краски жизни, горшки с фикусом только подчеркивают мертвящую безнадежность этого места.

Шлепянов, давший четкий и скупой план постановки, напрасно сохранил [illegible] деление пьесы, противоречащее ее конструкции, по существу эпизодичной. В результате моментами бывает досадное «замирание пульса» в середине действия, прорывы, пробелы, что отражается на [illegible] спектакля.

Работа актеров, в особенности Штрауха, Глизер (Кикси), Астангова (Спавента), Страховой (Долли), [illegible], ролей Смирнова (О'Коннор), Костомолоцкого (Пап) создавших ряд запоминающихся фигур, заслуживает специального отзыва.

После «Гоп-ля, мы живем» «Поэмы о топоре» постановка «Улицы радости» дает право говорить об определяющемся творческом лице, о художественном стиле театра Революции, который требует своего теоретического осмысления.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

Привет „Наступлению“

Приветствуем «Наступление» — боевой орган ЛАПП, орудие перестройки, орудие борьбы за ленинскую партийность пролетарской литературы, орудие самокритики — не самокритики вульгаризаторов, снижающих теоретический уровень надергиванием цитат без их понимания и без интереса к существу дела, а пролетарской самокритики, повышающей теоретический уровень, воспитывающей в духе ленинизма, приучающей не оставлять ни одной ошибки не опровергнутой, сплачивая кадры для практической борьбы за дело социализма.

Мы уверены, что «Наступление» насмотра ни на что и невзирая на лица будет крепким и стойким проводником линии ВОАПП и РАПП, линии, данной нам партией, линии, за которую мы боролись и боремся.

«Наступление» должно смело атаковать носителей гнилого либерализма, воронщины, формалистов, эстетствующих — любых представителей гнилой в нашем движении правой опасности.

«Наступление» должно бить и разоблачать «новаков», упростителей и принижателей, охвостье литфронтовщины, как бы оно ни перекрашивалось.

«Наступление» должно беспощадно разоблачать троцчистов и троцчистских контрабандистов в литературе, этих идеологов передового отряда контрреволюционной мировой буржуазии.

«Наступление» не должно заниматься окололитературной полемикой и шумихой, нужной людям, заинтересованным в склоках, а не в создании «Магнитостроев литературы». «Наступление» должно развернуть и возглавить творческую дискуссию, ставя на смелое обсуждение произведения всех наших писателей.

Побольше практического дела. Побольше практической перестройки в соответствии с требованиями партии и комсомола.

Побольше занятий литературой по существу, меньше общих разговоров, меньше внимания окололитературным мелочам.

Побольше крепкой, дружной, сплоченной, последовательной и энергичной работы!

Побольше связи с попутническими и сомневающимися писателями!

Побольше борьбы с буржуазной агентурой и буржуазными влияниями не только в декларациях, а на деле, изо дня в день!

Побольше борьбы за очистку нашего движения от мелкобуржуазных карьеристов, от носителей навыков старой литературной среды: с ее слушками и сплетнями, нравами и подсиживаниями, побольше практической работы по воспитанию и выдвижению новых пролетарских большевистских кадров!

Решения XVII конференции, письмо т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» — таковы те исторические директивы, которыми определяются все наши задачи. Большевистским бодром за их решение должна быть и будет газета ЛАПП «Наступление».

СЕКРЕТАРИАТЫ ВОАПП и РАПП
Л. АВЕРБАХ

За связь с практикой литературы!

На различных собраниях во Всероссийском союзе советских писателей неоднократно отмечалось, что вся советская литература и в особенности литература попутническо-сомневающаяся не может развиваться нормально и интенсивно без активного руководства марксистско-ленинской критики, ставящей не только общие теоретические проблемы современного литературоведения, но и уделяющей достаточное внимание конкретным художественным произведениям. Однако общественное и бесспорное оттеснение конкретной критики от актуальных и боевых вопросов литературной жизни, отмечавшееся всеми литературными (в особенности на последнем критическом совещании РАПП), до сих пор не ликвидировано. Нельзя признать нормальным, что о ряде крупных литературных произведений, появившихся за последнее время, не написано серьезных и методологически обоснованных статей. Многие книги, заслуживающие внимания, вовсе не появляются в печати.

Перед созданием и творчеством советских писателей, переходящих на идейные позиции пролетариата и идущих по пути усвоения методов диалектического материализма, сейчас, немедленно до начала второй пятилетки, которая уничтожит пережитки капитализма не только в экономике, но и в самом человеческом сознании, стоят огромные и ответственейшие задачи. Эти задачи будут разрешены писателями путем преодоления всевозможных трудностей, и здесь помощь марксистско-ленинской критики, поднятой на достаточную теоретическую и принципиальную высоту, будет особенно нужна.

Несомненно, что перестройка и без того недостаточных критических кадров целого рода организационной, редакционно-издательской работой очень велика. Но одной из существенных задач производственно-тематической перестройки литературной как раз является разгрузка критиков-марксистов, переключение их на конкретно-критическую, теоретическую, исследовательскую работу. Такие мероприятия должны осуществляться более последовательно, широко и интенсивно.

На фоне общего отставания конкретной критики, особенно отрицательные свойства своей работы проявляет Институт ЛИЯ Комакадемии. Довольно значительное количество культурных марксистских сил, собранных там, работает кабинетно, в условиях почти полного отрыва от конкретных явлений литературной жизни (за исключением отдельных товарищей, в своем большинстве и раньше связанных через РАПП с практикой литературного движения).

Еще на прошлогоднем майском пленуме ВССП отмечалась необходимость помощи и товарищеского руководства со стороны Комакадемии. Правление союза неоднократно обращалось к отдельным руководителям ЛИЯ с соответствующими просьбами и предложениями. Именно, еще 26 декабря прошлого года правление ВССП послало в Институт ЛИЯ Комакадемии письмо, в котором отмечало, что ЛИЯ, к сожалению, не принимает никакого участия в перестройке союза, в его творческих заключениях, вместо же заботливого вовлечения писателей в работу ЛИЯ и т. д. Со своей стороны мы намечали конкретный план совместных работ. Однако директор ЛИЯ даже не счел нужным ответить что-либо на деловое предложение ВССП.

Разумеется, такое отношение к перестройке попутническо-сомневающейся организации нельзя признать нормальным и допустимым. Руководство Всероссийского союза советских писателей полагает, что работу Института ЛИЯ Комакадемии необходимо в ближайшее время видоизменить, непосредственно связав ее с практикой идейно-творческого развития советской литературы.

ПРАВЛЕНИЕ ВССП

Почему этот гражданин в диком восторге?

Под таким заголовком помещена эта карикатура на четвертой странице ленинградской «Вечерней красной газеты» 10 марта 1932 г. (№ 58).

Товарищи из «Крысьей газеты» предполагают, что гражданин пришел в такое веселое настроение от того, что ему доставили «Вечернюю красную» лишь на следующий день после ее выхода. «Почта работает не спеша».

Факт, заслуживающий быть отмеченным. Однако мы совершенно точно констатировали, что гражданин вошел в экстаз совсем по другому случаю. Дело в том, что он прочел следующую заметку в том же номере «Красной газеты» на первой странице, в рубрике «Иностранная хроника».

«Суд в Ридинге (Англия) приговорил известного писателя Оскара Уайльда к шестимесячному заключению по обвинению в «противоестественном предрасположении» и внесении в литературу недопустимых идей».

Если принять во внимание, что Оскар Уайльд умер в 1900 г., т. е. 32 года назад, то без труда можно понять дикий восторг читателей по поводу темпов «Вечерней красной газеты».

Какая свежая и притом достоверная информация!

Почта работает не спеша. Это верно. Но и ты не спешите, товарищи из «Вечерней красной газеты»!

МИХ.

Письмо в редакцию

В № 4 журнала «Рост» за текущий год, в «Рабочкоровском дневнике», посвященном итогам производственного совещания критиков, помещена следующая заметка:

«Однако отдельные критики (например, Вейтман) пока еще не сделали решающего шага вперед и не поняли, что вообще их критическая деятельность не была достаточно та роль. Ее партия как теоретического центра (см. отчет «Литгазеты» о совещании в номере от 4 февраля), не могут быть квалифицированы иначе, кроме как явной клеветой. Так клеветать на РАПП и рапповское руководство может только классовый враг или человек, ничего не понимающий в литературе, не знающий с историей борьбы РАПП, за линию партии в пролетарской литературе».

Приведенная цитата-инвектива также обвиняет как клеветника, и нас относительно нашей оценки роли РАПП в истории борьбы РАПП за линию партии в литературе в частности и вообще. Однако, неправильно и не в тоне критики тоне предъявленное нам обвинение дает нам право и возможность для обеспечения решения журнала и желание ответить т. Вейтману (как классовым врагом, дает возможности для ряда неправильных и ложных толкований. Во избежание могущих быть недоразумений просим опубликовать это наше письмо.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «РОСТ»

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

17 марта — 18 ч. — О. Э. Мандельштам — диалектический материализм.

17 марта — 20 ч. — И. М. Нусинов — теория марксистской литературы.

18 марта — 19 ч. 45 м. — литературно-художественная экспедиция «На рубежах». Военная опасность, влияние, обработка, борьба рабочего класса, участие женщин и комсомола в классовых боях. Произведения: Майзеля, Гольц, Кредеи Роберт, А. Магидат, А. Гидаш, М. Залка, Б. Иллеш, Э. Мадарас, Бехер, Э. Вайнерт, Г. Мархвица, Э. Ожо, От. Оганда в исполнении чтецов ассоциации работников живого слова. Режиссер — О. Э. Рахманова. Пение — О. Д. Татаринова, Музыка Шебалина, Шатера. У рояля — Лия Леонтьева.

19 марта — 19 ч. — занятия литературно «Красное знамя».

19 марта — 19 ч. 45 м. — 2-й доклад-диалог Вайнерт и Сафронова. В программе: Шопен. Обсуждение под председательством В. М. Городинского.

19 марта — 19 ч. — творческий вечер пермского писательского отделения.

20 марта — 19 ч. — общее собрание Белорусской МАПП. В повестке — обсуждение альманаха «Пастух» (доклад тов. Рак).

20 марта — 19 ч. — очередное занятие литературы «Кочевье».

21 марта — 18 ч. — О. М. Брик — теория поэзии.

21 марта — 20 ч. — О. Д. Колосилина — теория очерка.

21 марта — 19 ч. — производственное совещание ГИХЛ.

22 марта — 18 ч. — расширенное заседание штаба по сектору художественной литературы.

22 марта — 15 ч. — О. М. Брик — диалектический материализм.

22 марта — 19 ч. — литкружок «Кочевье».

22 марта — 20 ч. — В. С. Киршон — теория драмы.

ИЗВЕЩЕНИЯ

19 марта — 19 ч. — в помещ. МОПКО Дома Герцена — пятый декадник литературы «Стержень». Доклад т. Кулагина о творчестве А. А. Богданова. Приглашаются члены других литгруппировок.

22 марта — 19 ч. — в «Крестьянской газете» (Воздвиженка, 9, комн. 202) — второй творческий вечер группы пролетарско-колхозных драматургов. Чтение новой пьесы.

Сегодня в 18 час. — творческий вечер журнала «Октябрь» (в Доме пролетарской литературы — ул. Воровского, 50), с докладом т. Селивановского о романе Ильи-кова «Ведущая ось».

ПОПРАВКИ

В № 12 «Литературной газеты» на первой полосе, в передовой статье (7 кол., 3 зол.) следует читать: «Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата».

В том же номере на третьей полосе напечатаны под статьей «Литературный пульс на горе Магнитной»; следует читать: Г. Привалихуа, А. Онилов, Н. Пучков.

Возобновите немедленно подписку на апрель во избежание перерыва в высылке

Тираж «Литературной газеты» ограничен, а срок приема подписки сокращен. Поспешите сдать подписку не позднее срока у уполномоченного местной почтой. Оподданная подписка переходит на следующий месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Тверской б., 25, Дом Герцена, 3 этаж.
Телефоны
Секретариат 1-30-52.
Отв. редактор 2-80-12.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Журнально-газетное об'единение: Москва, 6, Страстной б., 11.
Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 Г.
На 12 мес.—3 р. 60 к.
На 6 мес.—1 р. 80 к.
На 3 мес.— — 90 к.

Ответственный редактор А. СЕЛИВАНОВСКИЙ
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

Споры о „Войне“

На вечере ЛОКАФ

На одном из последних своих собраний московское локафовцы подвергли конкретному обсуждению книгу Н. Тихонова «Война». «Война», — как напомнил докладчик т. Рейзин, — одна из самое выдающееся произведение советской литературы, выходящей за последние два-три года. Произведение, несомненно, империалистическую войну 1914 г. с позиций, служащих позициям пролетариата, раскрывает перед нами роль и значение техники в науки в войне.

Известно, что в процессе войны менялась ее техника, менялась тактика. Большая многолинейная артиллерийская подготовка, оправдывая себя как средство разрушения, в то же время лишала армию возможности маневрировать, передвигаться. Материальная война сменилась войной позиционной. Армия стали искать выхода из позиционного плена, в котором ей ее задумал.

купить. Германия, например, вынуждена была перейти к кратковременной артиллерийской подготовке, чтобы обеспечить возможность хотя бы частичного продвижения вперед. И тут Николай Тихонов с большой художественной силой и убедительностью показывает там, где, огнивает — сказано, к которым приведет роковые стороны, чтобы выйти из «технического прозябания». Заслуга Тихонова в том, что он сумел показать какое огромное значение имеет на войне техническая вооруженность, неожиданность действия; в том, что он показал (на опыте европейской войны) значение науки в войне, показал науку как оружие классовой борьбы, зависимость военной техники от экономики страны и уровня ее производительных сил.

— Но правильно подчеркивая эту зависимость, — говорит далее докладчик, — автор забывает, что производительные силы — это не только экономика, но и человек. Здесь кроется философский корень сопротивлений книги. Автор уступает на веру, что ахиллесова пята капиталистической армии — человек. Поставить революционно-разрушающего человека на службу военной техники (а мы знаем, что на исход войны значительное влияние оказала Октябрьская революция) — значит повернуть технику против капитализма. Но случайно военные авторитеты высказываются сейчас за необходимость малых армий. Эта теория целиком отражает страх перед событиями времени. Тихонов мог бы нам показать эту коллизию между техникой и человеком, если бы продуманно вскрыл свою линию, придерживаясь того узкого плана, в котором он ее задумал.

Но Тихонов взял более широкую задачу, поставив перед собою цель показать в «Войне» социальные силы, обязавшие оружие войны. Как он справился со своей задачей?

Отвечая на этот вопрос, т. Рейзин сопоставляет «Войну» с произведениями Ремарка («На западном фронте без перемен» и «Обратный путь») и констатирует, что книга Н. Тихонова по основным своим политическим тенденциям резко противостоит произведениям Ремарка, ибо «Война» показывает изнанку войны, разоблачает истинную цель империалистической войны (передел мира), показывает единым победителя (мировой капиталистический гегемон — верх империалистического цинизма), показывает картины послевоенной Германии (и не так, как показывает Ремарк), показывает, что не только в Германии, но и в странах победительницах — Франции, Англии, Америке — царит разруха, голод, нищета, безработица, что народные массы, которые несли на себе все тяготы войны, не получили от нее ничего, кроме разорения, нищеты и безработицы.

Докладчик говорит, что это чрезвычайно полезную и нужную книгу. Н. Тихонов не сумел все же подняться до ленинского понимания империалистической войны, и поэтому утверждение т. Тарасенкова («Литгазета», № 10 1932 г.), что книга Тихонова — боевой удар по пацифизму и ремарковщине, — ошибочно.

В обмене мнениями приняли участие тт. Златова, Тарасенков, Вс. Вишневский, Лейтес, Коваленко, Исбах... Все выступавшие целиком присоединились к положительной части оценки «Войны» докладчиком. Расхождения определились главным образом по двум вопросам второй части доклада, в которой т. Рейзин анализировал ошибки и силы автора. Говорилось о неправильном выборе фактического материала, об отсутствии показа внутренних перерастания империалистической войны в войну гражданскую, неумелом использовании сатиры, что сузило возможности показа развала классовых сил, о недостаточно ярком показе гражданства (в основном — символ кукушек, а потусторонние тонны), об отсутствии отрицания империалистической войны вообще, техника, предприятия мировой революции...

— Я вижу — сказал присутствовавший на собрании Н. Тихонов, — что тематика войны — это океан. Колоссальное количество тематических возможностей. На узком отрезке любой из этих тем нельзя отразить все данное мировое конфликта. Я захотел тогда отразить для своей «Войны» небольшой кусок экран. И все же многое мне не удалось.

Если бы ЛОКАФ, занялся разработкой этих специальных «тем» тем, дело пошло бы по-другому. Я, может быть, начал бы спор книге в 1933 г., и не в 1931, но вещь получилась бы более значительной.

Г—Й

ФОТОРАБОТНИЦЫ НА ПЕРЕДОВЫЕ ПОЗИЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

КАК ОВЛАДЕТЬ ФОТОАППАРАТОМ И КАК СДЕЛАТЬ

снимки могучим средством борьбы за генеральную линию партии, за темпы и качество на всех участках строительства, за выполнение пятилетки, за ударный труд и ударную производительность труда.

На эти вопросы ответит новый массовый иллюстрированный журнал

„ФОТОРАБКОР“

орган Бюро фото в ОПХ

„БИБЛИОТЕКА ФОТОРАБКОРА“

приложение к журналу (1 книга в месяц).

Предлагается прием подписки с апреля

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Журнал «Фоторабкор» — 12 м.—3 р. 60 к. 6 м.—1 р. 80 к., 3 м.—90 к.

Подписку сдавайте ТОЛЬКО МЕСТНОЙ ПОЧТЕ не позже установленного ее срока. Подписка должна поступить в МОСКВУ НЕ ПОЗДНЕЕ 24 МАРТА. Опоздавшая подписка будет исполняться с мая.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС РАДИОГАЗЕТЫ „ПРОЛЕТАРИИ“

Редакция всесоюзной рабочей радиогазеты «Пролетарий» органа ВЦСПС объявляет всесоюзный литературный конкурс среди писателей и литературы ударников на лучший рассказ, очерк и стихотворение.

Конкурс ставит своей задачей выявление лучших ударников, пришедших в литературу, в массовую радиогазету, и тесно ознакомление широких трудящихся масс с результатами прихода ударников в литературу.

ТЕМАТИКА: Героическая борьба пролетариата — коллективная на производстве, удовлетворение и соцсоревнование, отображение классовой борьбы в быту и производстве, героический рост гения из рядов рабочего класса, освобождение предприятий от иностранной зависимости, рост партии, комсомола и профсоюзов в годы строительства социализма, культурной революции, перековка человека, связь заводов с сектором социалистического хозяйства-колхозами и совхозами.

Рассказы и очерки не должны превышать 4—5 стр. на машинке, а стихи — 50 строк и должны быть радиофицированы.

1-й премии для лучшего очерка и рассказа — 350 р.
2-й премии для лучшего очерка и рассказа — 300 р.
3-й премии для лучшего очерка и рассказа — 250 р.
4-я премия для лучшего стихотворения — 175 р.
5-я премия для лучшего стихотворения — 100 р.

Помимо этих лучшие произведения будут переданы по радио и оплачены обычным гонораром.

Материалы на конкурс надо посылать по адресу: Москва, Тверская, 17, Литотдел радиогазеты «Пролетарий», к конкурсу — с указанием фамилии и имени автора, места работы, принадлежности к литгруппировке и своего отдела.

Последний срок представления материалов на конкурс 1 мая 1932 г.

ЖЮРИ КОНКУРСА: Председатель ФЕЛИКС КОН (Прав. ВЦСПС), зам. председ. Т. ПАХОМОВ (И. О. отв. редактора «Пролетарий»), Я. ЗАЙЦЕВ (Радиосекция РАПП), СИМЧЕЙ (Бюро печати ВЦСПС), КАНКОВ (Профиздат), КАСИМОВ («Пролетарий»), М. АЛЬТШУЛЕР («Пролетарий»).

Литературное СЕГОДНЯ

✱ Мосгорком писателей мобилизовал 30 писателей для работы по проведению сталинской эстафеты в Краснопресненском районе и 30 писателей для работы в ударных бригадах по весенней посевной кампании.

✱ Центральный московский объединенный кинотеатр «Художественный» совместно с группой АРК организовал кружок по необходимости ознакомления писателей с кино. Руководит кружком режиссер писателей на определенных группами в кадре или работников.

✱ МОПКО мобилизовал 10 пролетарско-колхозных писателей для участия в проведении весеннего сева. ЦС РОПКП командирует в районы СССР т. Горлогайского в Шухова для участия в весеннем севе.

✱ Во Всероскомдраме организована творческая группа «Труд», состоящая из рабочих-художников и драматургов, призванных в драматургию.

В группе состоит сейчас 33 человека.

✱ По поручению Реперткома СССР, при активном участии ЦК союза рабис и ряда художественных организаций, начали под лозунгом «Навстречу к XV годовщине РККА» На организацию этой выставки Реперткомом [illegible] приглашены фольклорные материалы, присланные в сумме двадцати тысяч рублей. Участвовавших принимают фольклористы около трехсот художников и свыше ста скульпторов.

✱ В редколлегию сборника МОСПОЛКАФ «Красное знамя» вошли Л. Сурвилович, Ю. Либерман, К. Подсолнух («Красный конник»), К. Лозовой (секретарь), В. Стольский, Вс. Азов, А. Сурков, С. Ивашенев. В первом номере сборника будут помещены произведения Ванцетти «Любовь» (отрывок из книги «Война»), отрывки из повести Ю. Либермана «Интерфейер Балатон» стихи И. Аксенова, В. Гусева, статьи Л. Субоцкого, Дьяконова и др.

✱ В Среднюю Азию выехала бригада РОАПП в составе представителей ВУСПП, БелАПП, МОРП и Института красной профессуры.

✱ МОПКП мобилизовал 10 пролетарско-колхозных писателей для участия в проведении весеннего сева. ЦС РОПКП командирует в районы СССР т. Горлогайского в Шухова для участия в весеннем севе.

Творческий отчет В. Луговского

16 марта бюро правления РАПП заслушало творческий отчет поэта В. Луговского за те два года его поэтической работы, которые прошли с момента вступления поэта в РАПП.

В следующем номере «Литгазеты» будет помещен подробный отчет об обсуждении творчества В. Луговского на бюро правления РАПП.

Работа с рабочим-читателем

В связи с перестройкой работ литературных журналов возникает особенно большое значение журналов. Работа творческих журналов должна войти в систему журнальной работы.

Журнал «Рост» намечает постоянную работу с авторами.

На ближайшем собрании актива столкнутся вопросы творческих методах и художественной литературе на материале произведений Л. Оленина («Новый комсомол»), (А. Исбаха («Крушение»), В. Горбатова («Наш городок»), Б. Лавренева («Живая душа»), Б. Левина («Жизнь за свободу»). На ближайшее время было назначено обсуждение творчества поэта Аркадия Кулаги («Парижская коммуна»).

Конкурс на оперу, балет и симфонию

Дирекция Большого театра Союза ССР и редакция «Комсомольской правды» объявили открытый конкурс-соревнование на создание либретто и музыки оперы, балета и симфонии в ознаменование XV-летия Октября и на музыкально-драматическое действие, посвященное всероссийскому XV годовщине.

Этот конкурс должен воздействовать разрешению задачи создания советской музыкальной большой формы. В решении ее должны принять участие и литераторы-драматурги. Конкурс должен стать в известном смысле смотром творческой работы музыкальных и литературных организаций Союза к XV годовщине Октября.

Условия конкурса предоставляют композитору и литератору-драматургу большие возможности для проявления творческой инициативы.

В качестве основных тем рекомендуются: индустриализация страны, социалистическая реконструкция сельского хозяйства, борьба за технику, социалистический труд, передовой человек, комсомол, социально-культурное строительство, Красная армия и оборона страны, СССР — бригада мирового пролетариата, история революционной борьбы.

Устанавливаются премии: за оперу и балет первая — по 20 тысяч рублей, вторая — по 12 тысяч рублей, третья — по 8 тысяч рублей; за симфонию: первая — 4 тысячи рублей, вторая — 3 тысячи рублей и третья — 2 тысячи; за оперетку: первая премия—10 тыс. рублей и вторая — 5 тысяч.

Сроки представления произведений: для оперы и балета — 1 марта 1932 г., для симфонии — 1 сентября 1932 г. и для оперетки — 1 августа 1932 года.

Горький и эпоха

Литературный музей Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Общество содействия литературному музею открывают в марте большую выставку, посвященную творчеству М. Горького. Выставка покажет творческий путь Горького на фоне политической истории эпохи.

Много места на выставке будет занимать раздел «Горький и молодой автор».

Чрезвычайно интересен уголок выставки, показывающий работу Горького над языком. Варианты, записанные и только темы, как «Горький и Запад», «Национальная литература и Горький», «Горький и театр» и т. д.

Никак нельзя обойти молчанием, что только в третью сторону, стало быть и легче. Литературный музей предполагает открыть выставку, посвященную комсомольской литературе. Однако пока [illegible] работ, когда в эту сторону обращено внимание пролетарской литературной и читательской общественности, необходимость такой выставки ощущается особенно остро.

К. Н.

Больше четкости

Творческий смотр молодежной литературы начинающий комсомол сотрудничество с РАПП и уже давший ряд положительных результатов, в некоторых случаях получает нечеткое направление.

В данном случае речь идет о вечере творческого смотра Ал. Жарова в клубе «КИФ».

Тов. Медведев совершенно ошибочно считал, что и по всем творческим вопросам РАПП в дискуссии с комсомолом оказалась виноватой, ни слова не сказал о своих ошибках в докладе («Литгазета» и «Комсомольская правда»). Далее тт. Медведев и вслед за ним и И. Бачелис слишком остановились на разборе творчества Ал. Жарова, не подвергли конкретной критике творческую продукцию Жарова, не вскрыли сущности их повествовательной схематизм неубедительность в описании действительности, штампов формы, которые были (а в значительной мере и сегодня есть) в творчестве Жарова. Тов. Бачелис, между прочим, сказал: «Искусство Жарова есть искусство больших обобщений».

Ясно, что такое «вскрывание», а вместе с тем самым и подчеркивание творчества пятого пролетарского поэта не может оказать помощи в дальнейшей его перестройке, которую Жаров сейчас успешно начал (об этом свидетельствуют его последние стихи и поэма «Беспечный Ромео»).

Другого порядка были выступления тт. Никитина, Сапронова (завод Сакко), Мерзлова (районы МАПП) подвергших творчество Жарова правильной, конкретной критике.

Критика молодежных писателей есть метод помощи им в дальнейшем движении. Нельзя об этом забывать!

ДМ. САХАРОВ
ВАС. ЧАЛКИН
ТРАНСПОРТНЫЙ ЛИТКРУЖОК «ПАРОВОЗ»
Л. АГ.

СТР. ХЭВОЕ ОБЩЕСТВО „НЬЮ ЙОРК“

ПРИСТУПИЛО К РАСЧЕТАМ ПО ПОЛИСАМ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

ПО ЖЕЛАНИЮ ПОЛИСОДЕРЖАТЕЛЕЙ 75% СЛЕДУЮЩИЕ ИМ СУММЫ БУДУТ ОПЛАЧЕНЫ ОРДЕРАМИ ТОРГСИНА. ПРИЕМ НОВЫХ ПОЛИСОВ ПРОИЗВОДИТСЯ ДО 1 АПРЕЛЯ 1932 г. В А/О КРЕДИТ БЮРО (ДОМЕН ГОСБАНКА — НЕГЛИННАЯ 12, ШЕСТИЭТАЖНЫЙ — ГЛАВНЫЙ ПОЧТАМТ, ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК № 939) КОНТОРАМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ И АГЕНТСТВАМИ ГОСБАНКА И СБЕРКАССАМИ ПО ВСЕМУ СССР.

УТЕРЯ ПОЛИСОДЕРЖАТЕЛЯМИ ПОЛИСОВ, ССУДНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ И КВИТАНЦИЙ НЕ ПРЕПЯТСТВУЕТ ПОЛУЧЕНИЮ ДЕНЕГ.

ПРОИЗВОДИТСЯ ТАКЖЕ ПРИЕМ ПОЛИСОВ СТРАХОВОГО ОБЩЕСТВА „ЭКВИТЭБЛЬ“, С КОТОРЫМ ПРОЦЕСС ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧЕН.

КРОМЕ ТОГО А/О КРЕДИТ БЮРО ВЕДЕТ НАСЛЕДСТВЕННЫЕ И ПРЕТЕНЗИОННЫЕ ДЕЛА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ВО ВСЕХ СТРАНАХ МИРА.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ

ИЛИ ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ НА 1932 ГОД

на иллюстрированный журнал

„СОВЕТСКИЙ ТЕАТР“

Химический общественно-политический журнал по вопросам театра и марксистского театроведения.

Цена: 12 мес.—8 руб., 6 мес. 4 руб. 3 мес. — 2 руб.

Отдельный номер 75 к.

Подписку сдавайте только местной почте не позже установл. ее срока

Подписка должна поступить в МО В не позднее 24 марта. Опоздавшая подписка будет исполняться с мая.

Журн.-Газетн. Об'ед.

КАЖДЫЙ ЛОЗУНГ,

КАЖДАЯ ДИРЕКТИВА ПАРТИИ, вокруг выполнения которых об'единяет свои силы рабочий класс

ДОЛЖНЫ ПОДХВАТЫВАТЬСЯ СОВЕТСКОЙ КИНЕМАТОГРАФИЕЙ и широко пропагандироваться

За превращение кино в мощное оружие коммунистической и технической пропаганды, оружие классовой борьбы и интернационального воспитания трудящихся масс, за социалистический рост кинопромышленности, за новые кадры кино, за своевременный выпуск технических и производственных кинофильм, за рост звукового и цветного кино, за лучшие образцы работы с кинозрителем.

БОРЕТСЯ ГАЗЕТА “КИНО”

массовый шестидневный иллюстрированный орган ВЦСПС и всесоюзного фотокиообъединения. В 1932 году газета выходит в увеличенном формате.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ С АПРЕЛЯ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Газ. «КИНО»—12 мес.—3 р. 60 к., 6 мес.—1 р. 80 к., 3 мес.—90 к.

Подписку сдавайте ТОЛЬКО МЕСТНОЙ ПОЧТЕ не позже установленного ее срока. Подписка должна поступить в МОСКВУ НЕ ПОЗДНЕЕ 24 МАРТА. Опоздавшая подписка будет исполняться с мая.

Журнально-газетное об'единение.

Уполном. Главлита В 5000.

Литография вольная (28) отд. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова, д. 6.